

Елена АДИНЦОВА, Виктория
СЕМИБРАТСКАЯ (ДНР, г. Донецк)
Эвелина АЗАЕВА (Санкт-Петербург)
Юрий БОГАТОВ (Краснодарский край)
Лидия ГОРТИНСКАЯ (Лен. область)
Михаил ГРИШИН (Тамбов)
Надежда КВАСОВА (Калининград)
Владимир КУЗЬМИЧЁВ (Уфа)
Наталья ЛИТВЯКОВА (Ростов-на-Дону)
Андрей МАКАРОВ (Москва)
Владимир МИСЮК (Тольятти)
Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ (Красноярск)
Сарра САТУЧИНА (Уфа)

ПРЕМИЯ
«ДИАС»

**СБОРНИК ПРОЗЫ ЛАУРЕАТОВ
ПРЕМИИ "ДИАС-2025"**

Сборник прозы лауреатов премии «ДИАС-2025» / Ред.-сост. Галина Булатова. – Тольятти, 2025. – 60 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Елена АДИНЦОВА, Виктория СЕМИБРАТСКАЯ (ДНР). Фотография	5
Эвелина АЗАЕВА (г. Санкт-Петербург). Похитители спокойствия	10
Юрий БОГАТОВ (Краснодарский край). Что ж ты, Дуся...	16
Лидия ГОРТИНСКАЯ (Ленинградская обл.). Что тебе, то и мне	21
Михаил ГРИШИН (г. Тамбов). Соль земли	25
Надежда КВАСОВА (г. Калининград). Главная роль	30
Владимир КУЗЬМИЧЁВ (Башкортостан, г. Уфа). Вверх тормашками	35
Наталья ЛИТВЯКОВА (г. Ростов-на-Дону). Ростовская дева	40
Андрей МАКАРОВ (г. Москва). «Вы всё с собой делаете сами»	45
Владимир МИСЮК (Самарская обл., г. Тольятти). стакан молока	50
Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ (г. Красноярск). Вера Игнатия	52
Сарра САТУЧИНА (Башкортостан, г. Уфа). Зелёная метка	57

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник вошла проза 12 лауреатов Международной литературной премии «ДИАС-2025». Премия носит имя казанского писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010). Премия была учреждена в 2019 году. Инициатором и организатором премии выступила Галина Булатова – поэт, переводчик, член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Этому поспособствовало как личное знакомство с литератором, так и желание продолжить его дело, объединив под знаменем премии авторов, преданных гуманистическим идеалам, общечеловеческим ценностям, философским, объединяющим идеям. Девизом премии остаются слова писателя:

«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».

В 2025 году (VII сезон) поступило 190 заявок от авторов из России, Беларуси, Израиля, Казахстана, Молдовы, Франции. Всего же за 7 лет получено 1165 заявок от авторов из 27 стран. 78 авторов заслужили звание лауреатов в номинациях «Дело», «Имя», «Абсолют» и «Судьба» (аббревиатура «ДИАС»). Они, лучшие из лучших, получают призы – шары из натурального камня как философский символ будущего, безграничности, объединения, как память о том, что сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета.

Лауреатами в номинации **«ДЕЛО»** в этом году стали **Елена Адинцова, Виктория СЕМИБРАТСКАЯ** (ДНР, г. Донецк), **Эвелина АЗАЕВА** (г. Санкт-Петербург), **Михаил ГРИШИН** (г. Тамбов), **Сарра Сатучина** (г. Уфа).

Обладателями премии в номинации **«ИМЯ»** названы **Юрий БОГАТОВ** (Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани) и **Наталья ЛИТВЯКОВА** (г. Ростов-на-Дону).

Номинация **«АБСОЛЮТ»** представлена лауреатами – **Владимиром КУЗЬМИЧЁВЫМ** (г. Уфа) и **Андреем МАКАРОВЫМ** (г. Москва).

Победители в номинации **«СУДЬБА»** – **Лидия ГОРТИНСКАЯ** (Ленинградская обл., д. Истинка), **Надежда КВАСОВА** (г. Калининград), **Владимир МИСЮК** (г. Тольятти) и **Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ** (г. Красноярск).

Радуемся вместе с победителями. Вот лишь два отклика.

Владимир Кузьмичёв: «Ошеломлён! Со мной случилось невероятное! Наверное, в жизни так не бывает. Но... Эмоции зашкаливают, сердце учащённо бьётся, состояние эйфории не хочет поддаваться мысленному послы – держать себя в руках. В течении недели я стал обладателем звания лауреата в 4-х (ЧЕТЫРЁХ!!!) престижных международных литературных премиях и конкурсах! Абсолютно в разных ипостасях..., а вот сегодня узнал о «ДИАС-2025». Я под таким сильным впечатлением от происходящего, что вообще роятся мысли – а со мной ли это всё случилось?! Счастлив и ошарашен одновременно!!! Ещё раз огромное спасибо за ощущения абсолютного счастья!»

Надежда Квасова: «Сегодня я улыбаюсь и пританцовываю весь день. А причина тому – победа в Международной литературной премии «ДИАС-2025»! Я стала одним из лауреатов с рассказом «Главная роль». Когда я попала в шорт-лист конкурса, что уже сродни победе, не спешила делиться с вами этой радостью. Мечтала, хотя и слабо верила, что мой рассказ выйдет в финал. Уж больно мощная конкуренция и опытные авторы

участвовали там. Но судьба (а именно так называется и сама номинация) распорядилась иначе и подарила мне ощущение крыльев за спиной. И это мощно мотивирует на дальнейшее проявление себя в качестве писателя. От души благодарю организатора содружества «ПОЭЗИЯ ТОЛЬЯТТИ» Галину Булатову и членов жюри конкурса за их время и труд. Для меня огромная честь удостоиться вашего внимания и награды. А отдельная горячая благодарность моей старшей подруге Алинде Ивлевой...»

В составе жюри были российские литераторы, победители премии «ДИАС» прошлых сезонов: Сергей ГРАЧЁВ (Подольск), Александр ГУЛЯЕВ (Тула), Алинда ИВЛЕВА (Ленинградская обл.), Фарит ИШМУРАТОВ (Уфа), Алексей КОЛЕСНИКОВ (Белгород), Марина КРАВЕЦ (Санкт-Петербург), Анатолий КУЛИКОВ (Тольятти), Елена СЕВРЮГИНА (Мытищи), Илья ТАРАНОВ (Ульяновская обл.), Елена ШУМАРА (Санкт-Петербург).

Хочется вспомнить слова члена жюри премии второго сезона – **Елены Крюковой**:

«...Трудно в потоке, в стремнине, в скрещении, в гигантском массиве современных текстов открыть воистину новое, небывалое. Премия «ДИАС» придумана именно для этого. Ведь она – имени Диаса Назиховича Валеева, а он сам был художником, философом, футурологом: пророком, как любая крупная личность, имеющая в жизни смелость напрямую работать с огненной материей Времени».

Интересно мнение члена жюри сезона нынешнего – **Алинды Ивлевой**:

«По мнению Антона Павловича, сильный текст не только повествует о чём-то, но исследует человеческую душу, заставляет задуматься о смысле жизни. Великий писатель считает – сильный текст исследует жизнь через повседневные ситуации и образы. Как не согласиться?»

А вот что пишет **Елена Севрюгина**, постоянный член жюри премии:

«Завершился очередной Международный конкурс имени выдающегося философа Диаса Валеева. И вновь не разочаровали его участники, подарив нам, членам жюри, истинную радость прочтения. Порадовали и некоторые нововведения организаторов. По-прежнему судейство осуществлялось в четырёх номинациях: «Дело», «Имя», «Абсолют» и «Судьба». Но в этом году членам жюри предоставили возможность судить по выбору только 2 номинации. Это не только облегчило нашу работу, но и позволило более внимательно вчитаться в каждый рассказ, оценить его достоинства и недостатки. Лично я оценивала номинации «Судьба» и «Абсолют», что оказалось делом весьма нелёгким. Никогда ещё я не ставила такого огромного количества максимальных баллов, но многие участники заслужили эти оценки за красоту языка и оригинальность подачи темы. Главным критерием оценивания для меня по-прежнему остаётся моё эмоциональное впечатление от рассказа – особое послевкусие после прочтения, когда в тебе невольно зарождается новое зёрнышко добра и красоты...»

Алинда и Елена не ограничились проставлением баллов в своих номинациях – каждая составила свой личный топ авторов, которые будут поощрены публикациями и другими приятными сюрпризами. Такой же топ составила учредитель и организатор премии. А кроме того, мы наградили дипломами призёров симпатий отдельных членов жюри из числа лонглистеров. Всего же в этом сезоне отмечено порядка 70 авторов. Премия продолжает существовать и не сбавляет обороты!

*Галина Булатова, учредитель и организатор
Международной литературной премии «ДИАС»*

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС-2025»

**Елена АДИНЦОВА,
Виктория СЕМИБРАТСКАЯ**

ДНР, г. Донецк

Авторский дуэт писателей из Донецка ДНР Елена Адинцова и Виктория Семибратская. Вместе пишут с 2018 года рассказы, повести, романы. В издательстве «Эксмодетство» вышла книга для детей «Художники, прославившие Россию» серии «Великие

люди великой страны». Члены Союза писателей ДНР и России. Дважды лауреаты I степени в Международном литературном конкурсе «Лебеди над Челнами» в номинации «проза», лауреаты Международного литературного музыкально-поэтического конкурса им. М.В. Исаковского «Связь поколений». В этом году авторский дуэт стал лауреатом Международной литературной премии «ДИАС».

ФОТОГРАФИЯ

Едва проснувшись, Валерий Павлович тихонько потянулся к телефону, стараясь не разбудить жену Антонину. Раннее утро вот уже много лет начиналось для него не с кофе. С новостей.

Мужчина заглянул в группу «Донецк военный, перекличка», от того, как прошла ночь, напрямую зависело, как сложится его день. А дни у электрика аварийной бригады были насыщенными. Враг не переставал планомерно бить по инфраструктуре города, только успевай латать дыры.

Выяснив, что ситуация не изменилась и продолжает оставаться стабильно-напряжённой, Валерий Павлович скользнул взглядом по списку личных сообщений. Первым мигало послание троюродной сестры из Саратова, мужчина его пропустил, потому что увидел второе – от сына. Ткнул дрожащим пальцем в строку с отметкой «не прочитано», и на весь экран развернулся снимок со смешной собачьей мордой: глаза прищурены, пасть растянута, выражение морды – улыбается псина. Под кадром пара строк: «Это Жучка. Она недавно прибилась к нашему экипажу, взяли на довольствие, теперь катается с нами в танке». От сердца отлегло. Жив-здоров старший, а что собака прибилась, так это хорошо, примета добрая.

Валерий Павлович открыл следующее сообщение. Колька Степанков, друг детства, оставил какую-то ссылку. И тут же беззвучно завибрировал мобильник, видать, почуял Николай, что Валерий Павлович уже бодрствует.

– Привет, Валер! Ну что скажешь? По всему выходит, эта Валентина твоя родственница? А хороша бабонька, и лицом, и фигурой приятная.

– Степанков! Ты же вроде не употребляешь уже лет двадцать. Ты чего несёшь? Какая Валентина, какие лицо и фигура?

В телефонном эфире образовалась пауза. Тишина спрессовалась до состояния кирпича:

– Ты что, публикацию не посмотрел? – в голосе старого друга послышался крепкий симбиоз разочарования и упрёка. – Ты глянь, глянь, – настаивал Коля, – в сети тётка твою фотографию опубликовала.

– Мою?! – ошарашенно переспросил Валерий Павлович. – Которую?

Активным пользователем социальных сетей он не был, работа выматывала в ноль, аккаунт он завёл исключительно с целью быть в курсе последних событий в городе.

– Да ту твою старинную, которую ты ещё в десятом классе на урок истории приносил, дореволюционную, ну эту как её, вашу семейную реликвию. – вспомнил Коля слова, слышанные им ещё от матери друга.

Валерий Павлович задумчиво потёр лоб:

– Коля, сейчас 5:30 утра, мне через полтора часа на смене надо быть, а ты меня квестами озадачиваешь. Давай вечером поговорим.

И, не дожидаясь ответа друга, отключил телефон.

День выдался не хуже и не лучше предыдущих. Только бригада электриков успевала справиться с аварийной ситуацией на одном участке, как тут же следовал вызов на другой. В тревожном круговороте дел Валерий Павлович совсем забыл об утреннем разговоре с приятелем. А зря. Дома прямо с порога жена выдала:

– Поздравляю с новоявленной родственницей.

Брови Валерия Павловича подскочили вверх. Что могло произойти, пока он был на работе?

– Мне твой Коля звонил, – Антонина выразительно потрясла мобильным телефоном, – всё рассказал, просил фотографию найти, я и нашла. – супруга протянула завернутый в «файлик» снимок.

– Вот что значит, человек на пенсии, и не знает чем себя занять. – устало буркнул мужчина и тут же осёкся.

Николай – мастер на все руки, каких поискать и в мирное время. Не лишился он ног после обстрела на рынке, были бы они напарниками, как и раньше. Не его вина, что не у дел оказался. Молодые ушли на фронт, вот «старики» и вернулись в строй.

Валерий Павлович и сам уже пять лет как на заслуженном отдыхе, мог бы с супругой греть старый ревматизм на солнце где-нибудь на курорте или на даче огородными грядками баловаться. Если бы не война. Только нет сейчас ни дачи, ни спокойной старости, всё враги отобрали.

Мужчина надел очки и взял в руки старую фотографию. Плотный картон потрескался от времени, правый нижний уголок отломился, но люди на снимке видны хорошо. Семейная пара в окружении детей. Три мальчика,

судя по всему, погодки, и девочка лет шести. Одеты все просто, но добротно. На мужчине пиджак, сапоги, картуз; женщина гладко причёсана, в строгом тёплом платье с белым кружевным воротником, на плечах шаль.

– Я не знаю этих людей, понимаешь? В центре, судя по всему, мой прадед, его махновцы убили в Гражданскую. Один из этих мальчишек – мой дед, но который из них? Батя был совсем ребёнком, когда на его отца пришла похоронка в Великую Отечественную, а мать бати фашисты в шурф шахты сбросили. Спросить было не у кого. То, что карточка эта сохранилась, само по себе чудо, больше ничего у бати от родителей не осталось.

Валерий Павлович не смотрел на жену, неловкое чувство, будто оправдывался, что нет у него никаких сведений о предках. Да разве только у него одного? Аристократы, вон, родословные древа чертили, а у простых людей что? Только память. Если подумать, сколько поколений смогут удержать эту цепочку памяти? Два, три? Если звенья из неё войной не вырваны.

Валерий Павлович вздохнул, жена понимающе погладила его по плечу и пошла на кухню накрывать ужин. Звонок телефона вернул Валерия Павловича из плена задумчивости.

– Валера, ты мне должен! – радостный голос Кольки был приятен, как писк пенопласта по стеклу.

– Дружище, я только порог переступил и ещё не ужинал, – счёл необходимым предупредить товарища Валерий Павлович, – так что, если ты по делу, говори быстро.

– На ночь есть вредно! – бодро парировал Николай, – и я по делу. Сейчас тебе Валентина звонить будет. Золотая женщина, хочу тебе сказать. Я ей написал, о тебе рассказал, номер твой дал. – скороговоркой, опасаясь, что его перебьют, выпалил старый друг.

Валерий Павлович скрипнул зубами:

– Любишь ты причинить добро. Я тебя об этом просил?

– Ты мне потом спасибо скажешь, – ничуть не смущаясь ответил Колька. И просительно добавил, – Ты с ней просто поговори.

Валерий Павлович любил стряпню жены, но сегодня ел вяло, почти не чувствуя вкуса. Мысли о том, что ему говорить с совершенно чужим человеком, отбивали аппетит.

Длинная трель ожидаемого видеозвонка всё равно застала его врасплох.

– Валерий Павлович Калач? – миловидная круглолицая женщина близоруко щурилась с экрана телефона.

– Он самый, Калач.

– Калач – Калач – Калач... – внезапно обрётённая родственница повторяла фамилию на разные лады. – Калач – девичья фамилия моей прабабушки Анны Степановны, вот она, – женщина поднесла к окошку

камеры точную копию старинной фотографии и указала на малышку в центре снимка.

Валерий Павлович вежливо кивнул. Никаких трепетных чувств к внезапно свалившейся родственнице он не испытывал, а лицемерить не привык.

– А вашего прадеда звали Василий? – поинтересовалась женщина.

– Василий, – утвердительно качнул головой Валерий Павлович. Имя – это всё, что он знал о недавнем предке.

– Посмотрите, вот это – он, – Валентина указала на одного из мальчиков.

Валерий Павлович взял со стола свой потемневший снимок и всмотрелся в юное лицо.

– Анна Степановна, моя прабабушка, прожила долгую жизнь – девяносто семь лет. До последнего дня была при крепкой памяти и светлом разуме. Я вам всё расскажу. Трагические события раскололи нашу семью, а сегодняшние – объединяют нас снова, – повысила голос Валентина и вдруг неожиданно задала вопрос. – А вы живёте в Донецке?

Валерий Павлович напрягся. Ледяной панцирь отчуждения сковал изнутри. Коренной дончанин, он терпеть не мог ни призывов срочно бросить всё и «немедленно приехать к нам», ни слов «ну, вы там держитесь», не раз слышанных и от саратовской кузины, и просто от знакомых из большой России.

– В Донецке, – сухо подтвердил мужчина.

– Как хорошо! – обрадованно воскликнула женщина и, обращаясь к кому-то за пределами захвата видеокамеры закричала: – Салават! Иди сюда, наши Калачи живут в Донецке! – и, снова обернувшись к Валерию Павловичу и прижав руки к груди, горячо заговорила. – Это просто чудо какое-то, что именно сегодня мне ваш друг написал. У нас же... у вас... там... сыновья... воюют оба...

Речь Валентины прервалась от волнения, но Валерий Павлович её прекрасно понял.

– Наш тоже воюет! – Антонина выглянула из-за плеча супруга.

– А мы завтра как раз выезжаем в Донецк, отпуск у нас, хотим с мальчиками повидаться, уже и квартиру сняли...

– Какую квартиру? – всполошилась супруга Валерия Павловича, – у нас остановитесь, мы же родня, как-никак. Скажи, Валера!

Только сейчас Валерий Павлович рассмотрел лицо женщины в мониторе. На щеках Валентины красовались ямочки, точь-в-точь, как у его дочери, семейные ямочки, у него самого такие были в молодости. И глаза серо-голубые их, калачовские, и волосы с мягко вьющимися прядями.

– Я вас встречу, – просто ответил мужчина.

Лёд стремительно таял, огромное пространство, разделяющее столицу Донецкого края и столицу Башкортостана сжалось до размера человеческого зрачка.

Непроизвольно Валентина и Валерий Павлович, практически одновременно, сами не замечая зеркального жеста, прижали к груди старое семейное фото.

Людям только кажется, что прошлое ушло навсегда. Это не так. Время, как и расстояние, иногда выходит за рамки существующих законов физики, творит удивительные трансформации, которые люди по неведению называют то случайностью, то совпадением, а иногда чудом.

Эвелина АЗАЕВА

г. Санкт-Петербург

Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске, работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Лауреат премии газеты «Комсомольская правда» «Лучший дебют», была номинирована на звание лучшего собкора. С 1998 года жила в Канаде, 14 лет издавала «КП в Канаде». Автор трёх сборников рассказов, вышедших в Канаде и России. Член Союза писателей России. Печаталась в журналах «Нева», «Наш современник», «Дружба народов», «Урал» и др. Дипломант литературного конкурса «Мгинские мосты» (2021, 2022), третье место на довластовском конкурсе «Вы Долматов? – Приблизительно!» (2021), грамота XI конкурса им. Короленко «За поднятие и разработку патриотической темы», шортлистер конкурсов «Гранатовый браслет» (2022, 2023), «Капитан Грэй» (2022, 2024), «Русский Гофман» (2023), им. Короленко (2025). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ПОХИТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Анна, руководитель русской эмигрантской общественной организации в Канаде, летит Москву. На форум эмигрантов. Блаженствует. Потому что на Родину. И потому, что впервые далеко без мужа и детей. Можно без объёмной сумки с игрушками, можно не петь в любимое маленькое ушко весь десятичасовой полёт и не читать стишки...

Канадский самолёт. Местные жители летят через Москву куда-то...

Рядом с ней канадец среднего возраста и среднестатистической внешности: чистый, полный, розовый, с незапоминающимся лицом. Вежливый, старающийся, чтобы его было как можно меньше – втягивает куда-то, как моллюск, свою руку, чтобы подлокотник достался соседке.

Принесли поесть. С полчаса все обедают, шурша фольгой и салфетками, а потом канадцу, видимо, захотелось продолжения банкета – поговорить. Спрашивает является ли Москва её конечной остановкой и сообщает, что летит в Дубай, он – представитель благотворительной организации, которая помогает детям Ирака, Сирии, Афганистана.

– А вы будете в Дубае сидеть или ездить по этим странам? – интересуется Анна, прихлёбывая кофе.

– Буду ездить.

– Не надо бы, за шпиона примут.

Кусочек «брауни» – шоколадного кекса – висит у него в руках.

Он долго молчит. Потом переспрашивает:

– Вы, сказали, «шпион»?

– Да, – простосердечно кивает Анна. – Шпионы всегда работают под эгидой благотворительности, так что вас могут неправильно понять. А там же война...

Сосед навеки замолкает, и до неё через минуту доходит, что она, возможно, угадала. Вот у него сейчас буря в пустыне: «Она русская агентша? Случайно ли посажена со мной? Что ждёт меня в аэропорту Москвы?»

Что-то... Шаурма и чай с чабрецом.

Через некоторое время скучно стало её соседке справа. Будучи в наушниках, она не слышала разговора Анны с «шпионом». Седая, ухоженная дама, сняла наушники, посмотрела на то, что Анна читает выпуск журнала «Хелло» о королевской семье Британии, и с улыбкой, сияя, поинтересовалась:

– Вы тоже, как и я, любите королевскую семью?

Если можно сказать, что Анна остолбенела в кресле самолёта, то вот она именно остолбенела. Ошарашенно взглянула на соседку.

– Я журнал нашла на сиденье в зале ожидания.

С лица дамы сползла улыбка и она отвернулась.

Но через минуту снова не вытерпела:

– Вы летите в Москву? Отдыхать?

И тут дамбу прорвало! С жаром Анна принялась рассказывать, что мы все, русские из Канады, любим ездить в Россию, она стала такой прекрасной, Путин её совершенно перестроил, и – о-о-о-о-о, как мы её любим и скучаем по ней!

– А я живу в Канаде тридцать восемь лет и не соскучилась по Германии, – удивилась немка.

«Я бы тоже по такой стране не соскучилась», – думает Анна, но молчит.

– Вот чего вам не хватает в Канаде? – продолжает допытываться собеседница.

Русская с минуту соображает. В Канаде много хорошего и всего хватает. Кроме главного.

– Мне России не хватает, – говорит.

Немка отвернулась. Далее летят в полном молчании. Анна думает, что вот так Россию и изолируют. За лучшие качества: простодушие и материнскую заботу, с которыми она, Анна, сообщила возможному шпиону, чтобы он был осторожен, и за патриотизм, в котором русские расписываются, не подумав, что западному человеку он неприятен.

* * *

Через три часа Анна замечает, что в конце салона пустует весь ряд и перебирается туда. Пусть шпион растечется по освободившейся жилплощади, а немка почувствует себя вне зоны влияния Красной армии.

И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза. Удивительно, но наша жизнь с крепостничеством, видимо, была не такой страшной как жизнь западного человека без оно́го. Потому

что мы продолжаем выражать эмоции, а те давно приучились скрывать их, чтобы не быть съеденными своими же собратями. Вот о чём думает Анна всякий раз, когда встречается в толпе с живыми, говорящими глазами.

– Посадка возможна? – спрашивает парень, кивая на пустое сиденье. Она соглашается.

– Там семья с детьми, я сбежал, – поясняет.

– А у меня там немцы...

– Стреляют?

– Обижаются, что люблю Россию.

– А вы читали, что некоторые немцы, как и другие иностранцы, переселяются в Россию? – спрашивает попутчик, представившийся Андреем. – Я считаю, фиг с ними, пусть едут. Не самые говённые люди. Да и исторически они нам ближе всей Европы. Тока, чур, без своего самовара – толерантность и фидарасню пусть там оставят!

Анна солидарна, и парень заказывает алкоголь, чтобы сбрызнуть знакомство. Женщина проверяет свой фейсбук. Видит новый пост от одного из друзей, канадских организаторов Бессмертного полка:

– Я вышел из бана, – пишет по российским меркам миллионер, глава строительной компании Пётр. – Слава великому и мудрому Путину, спасителю Русского мира, слава ДНР, слава ЛНР, гори в аду фашистская Украина, сдохни Америка, Крым наш, мы русские, с нами правда, Бог и Путин, ура!

Анна смеётся. Она любит своих друзей. Пётр как кукушка – прокричал, и сейчас снова отправится в бан.

Вот это они пустили к себе погреться... Ничего. Сами нас развалили, терпите теперь.

Андрей, видя, что попутчица так мало выпила и уже смеётся, подливает и улыбается.

– А я, – говорит, – в Исландии живу.

И рассказывает, что русские там духовно не дремлют. Когда в стране легализовали однополые браки, местный русский храм осуществил акцию. Батюшка позвонил в крупную газету, узнал, когда те сдают номер в печать, и пообещал прислать рекламное объявление. Тут же заранее его оплатил. А прислал рекламку в последнюю минуту, чтобы некогда было проверять. В объявлении с изображением храма читателей приглашали посещать литургии, а ниже буквами помельче стояла цитата из Св. Писания: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость... Не обманывайся: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют».

И это вышло. Проследили журналюги!

Скандал состоялся. И полиция приходила, и исками грозили, да всё на нет сошло: цитировать Слово Божие пока ещё не подсудное дело.

* * *

Обратный путь. С полным впечатлениями сердцем (в театрах была, в музеях была, разговоры по душам вела!) и полными чемоданами (книги на русском, российские кремы, которые ничем не хуже западных, но стоят гроши, самые вкусные в мире российские конфеты, календари с президентом – всем друзьям-«ватникам» по подарку, а кое-кому и магнетики: «Сталин не умер, он растворился в вечности»).

В аэропорту Шереметьево Анна покупает бутылку французского коньяка. Её запечатывают в пакет и дают чек.

Вскоре Анна прибыла во Франкфурт-на-Майне – там пересадка. И вот же ж странное. На выход объявляют, как охранники в концлагере: со злобными лицами и командной интонацией. Никто из бортпроводников не улыбается.

Женщина оглядывается и вдруг замечает, что в самолёте почти все – мужчины. Русские. Кольнуло сердце: ездят на работу в Германию? Ну, сейчас-то уже чего?..

По одному пассажиры прошли мимо банды проводников с развёрнутыми паспортами. Такого канадской общественнице видеть ещё не доводилось. Чтобы выпускали из самолёта только, если покажешь паспорт. Спрашивается, а как вы туда впускали?

Один из «охранников» меняет злое выражение на дружелюбное – видит её канадский паспорт.

Уже в аэропорту, некрасивом, и опять же, похожем на концлагерь – ни единого украшения, всё какие-то железные бараки, соединённые меж собой, и безликие коридоры – Анна стоит в очереди на проверку ручной клади. Аэропорты российских провинциальных городов куда краше.

Сотрудник смотрит на пакет с коньяком и командует:

– Бросай сюда! – указывает на корзину для мусора.

– Почему? Я купила в аэропорту, бутылка запаяна в пакете, вот чек.

– Чек не в пакете, значит, недействительно.

Женщина понимает, что ему понравилась бутылка...

– Тут в чеке написано, что это французский коньяк и его название.

– Бросай, я тебя не пропущу.

Она скандалит. По обёрнутым на неё лицам других сотрудников и их переглядываниям понимает, что сейчас вызовут полицию. Берёт пакет и уходит.

В туалете отбивает горло у фигурной бутылки и выливает содержимое в раковину. Запах – изумительный!

Горло было толстое, пришлось несколько раз ударить им по железной раковине. На шум прибежали уборщики. Нюхали воздух и недоумевали.

Вернулась к «КПП». Бросила пустую бутылку без горла в пластмассовую ёмкость для вещей.

– Это что? – спрашивает тот же сотрудник.

– Это французский коньяк, который вы хотели у меня украсть чтобы вечером выпить. Не будет у вас вечеринки.

Странно, но он смотрит на русскую так, будто что-то понял и сожалеет.

– Вы нечестный человек, – говорит Анна, – желаю, чтобы люди вели себя с вами так же, как вы себя ведёте с ними.

– Та сфиданья! – орут ей другие работники. – Та сфиданья!

Анна понимает, что опоздала на самолёт, но она это и тогда, в туалете, осознавала.

– Не успокойтесь никак, что проиграли? – бормочет по-русски, а по-английски выкрикивает:

– Вы воры! Вы обворовываете пассажиров! И у вас некрасивый аэропорт. Самый некрасивый в мире!

Под ответы, которых не слушает, уходит. К стойке, где стоит вежливая униформенная дама.

– Я туристка из Канады. Опоздала на рейс по вине ваших сотрудников, которые долго досматривали, – говорит спокойным, высокомерным тоном, как богатая канадская фря, привыкшая к тому что ей не перечат. – Дайте другой билет.

Ей дают.

Анна, закутавшись в павловопосадский платок, сидит на жёстком железном сиденье, разгадывает кроссворд и не покупает ничего за евро. Не хочет вкладывать и одного евро в их экономику.

* * *

– Ну, а если бы тебя в тюрьму увезли? – спрашивает мама. Мы и так переволновались: самолёт прибыл, а тебя там нет...

– Зато они увидели русский характер. Снова. Им надо показывать время от времени. Наши мужики там работают и молчат, у немцев может сложиться неправильное впечатление.

– Ну так-то оно так...

* * *

Отоспавшись после полёта, Анна выходит в соцсети и пишет: «Мы отвратительны тем, что не сдаёмся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители

спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?

Избавление придёт, когда мы поймём, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские – не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны.

Русские – счастливы. У нас всё ещё говорящие глаза...».

Юрий БОГАТОВ

Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани

Родился 09.04.1960 на хуторе Ново-Покровка Краснодарского края. Окончил Ростовский государственный университет по специальности «Журналистика». Работал в СМИ СССР, ГДР, России. В настоящее время главный редактор интернет-журнала «Юрий Богатов о прекрасном и безобразном». Победитель и лауреат международных и российских литературных конкурсов. Магистр Международного фонда ВСМ. Заслуженный журналист и «Золотое перо» Кубани. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ЧТО Ж ТЫ, ДУСЯ...

Дмитрию Петровичу Харланову, дедушке моему

1

– Дуся! Я вернулся!

Он бежал, – да, бежал! – по крутому глинистому берегу навверх, к родному посёлку, а на вершине крутизны стояла в белом крепдешиновом платье в синий горошек, сливаясь с выстиранным тёплыми весенними дождями небом, его Евдокия. Но она не слышала мужа, не видела. Смотрела через вздувшуюся полными водами Каму на другой берег, на тёмный от новых сочных листьев и старой хвои лес. Дмитрий оглянулся, чтобы тоже посмотреть туда, не удержал равновесия, пошатнулся и... перекаати-полем покатился к причалу, к трапу пароходика, с которого только что сошёл, к тому месту, откуда начал свой бег.

– Что ж ты, Ду-у-ся-я-а-а!

Падение прекратилось. Мозг выстрелил мысль: подняться, непременно подняться!

И Дмитрий поднялся. Провёл ладонью по лицу, голове. Что это? Когда он успел окунуться в Каму, намочить волосы, щёки? И почему этой весной вода в реке такая вязкая? Поднёс мокрую ладонь к глазам, растопырил липкие пальцы. И отчего вода красная? С пальцев капала кровь. Осознание реальности вернулось вмиг. Оглянулся. От батареи «сорокапятков» остались груды металла и рыхлые земляные холмики. Уцелело только его орудие. Номера расчёта лежали рядом кто кверху лицом с уже стеклянными глазами, кто, уткнувшись в чужую, вспомнил – германскую, землю, куда шли черепахами тянувшихся четыре года. Шума боя не было. В ушах застряло нарастающее лязганье гусениц. Прорвались! Вот они, «тигры», на полной скорости приближаются к позиции теперь уже бывшей батареи на краю леска. А приказ был не подпустить к нему немецкие танки. Дмитрий отёр тыльной стороной ладони кровь, слепляющую веки. И отчётливо увидел чёрные кресты на вражеской броне. Ещё раз оглянулся. Ящики со снарядами – вот они. Правая рука слушалась. Левая – не очень. Пойдёт!

Опустил ствол на прямую наводку. Какие снаряды тяжёлые на одну руку! Левой только придерживал. Зарядил. Ну, давай, фашист, бочину, покажи-ка свой гадкий крест! На колоссящемся зелёном хлебном поле, по которому наступали танки, запылали преждевременными соломенными копнами «тигры» – один, второй, третий... Когда Дмитрий распухшими окровавленными губами прохрипел – «пятый», из-за леса на высокой ноте запели наши «катюши». Победная мелодия опустилась на поле, превратив ячмень и тех, кто его так бесцеремонно топтал железом гусениц, в земляное ничто. Дмитрия прошили ещё несколько осколков. Он опустился на землю, привалился спиной к лафетной раме, и только теперь позволил сознанию окончательно уйти.

Красноармейцы похоронной команды привычно выполнили свою работу. То, что ещё можно было назвать трупами, сложили в кузова полуторок. Всю батарею, выполнившую приказ. И когда под грудой тел Дмитрий стал задыхаться, он выплюнул из себя: «Что ж ты, Дуся, меня хоронишь... Я живой!».

– Братцы! – совсем не удивлённо вскрикнул пожилой сержант, закрывавший борт грузовика. – Тут живой!

2

И когда это успела наступить зима?! Небо белое-белое. Кама, небось, уже встала. А посёлок угадывается по дымкам, убегающим из превратившихся в сугробы барачных остывающих в ледяную высь. «Но почему я вижу только небо?» – удивился Дмитрий. Он лежал в пене из гипса и бинтов, мог видеть только побелённый потолок госпитальной палаты.

– Сестра! Артиллерист очнулся!

Подожли сестра с дежурным доктором.

– Вы меня слышите? – громко спросила врач, заглядывая Дмитрию в глаза. А он увидел красные на белом прожилки под опухшими веками – бессонные глаза молодой женщины.

– Доктор, почему лицом к потолку? Мне отрезали ноги? Руки?

Прожилки на белом заискрились зарницами.

– Ничего вам не отрезали, – засмеялась военврач, – только кое-какие косточки собрали да на место поставили, осколков из вас целую банку набрали!

– Так уж банку...

– Ну, баночку. И то не все. Некоторые даже трогать нельзя было. Но с ними вы до ста лет доживёте, товарищ лейтенант! А через две-три недели ходячим будете.

Дуся он написал уже в этот день. То есть как написал... Надиктовал сестричке: «Живой. Доктор сказала, сто лет буду жить. Как ты и детки наши Галя и Юра?».

Ждал ответа через неделю. Потом ещё через неделю. Когда смог садиться на койку, писал сам. Ответа не было.

– Да ты, лейтенант, посуди. Войны осталось с гулькин нос, суматоха, почта, сам знаешь, как работает... – успокаивал безногий лётчик с койки рядом, тот самый, который позвал медсестру, когда Дмитрий пришёл в себя.

– С гулькин нос... Если такой, как у моей курносой Дуси, то и правда победа близка.

Поначалу в этот носик пимпочкой он и влюбился. Потом – в её певуний голос. Почтальонка приносила из посёлка на сплавучасток газеты, журналы, письма и телеграммы. Улыбалась всем сплавщикам, а ему, выделявшемуся среди крепких парней богатырской статью и смоляным чубом, особо: и глазами. Дмитрий всегда угадывал её приближение к нему по цикадному шелесту крепдешинового платья. Забирал свою корреспонденцию и смущённо улыбался Дусе в ответ. А однажды она, передавая сплавщику свёрнутые трубочкой газеты, не сразу отпустила её в руки Дмитрия, придержала свой край. Их встретившиеся взгляды тоже задержались. Улыбка сошла с лица Евдокии. Казалось, она смотрит ему в душу. И вдруг разжала пальцы, отпустила газетную трубочку, рассмеялась серебряным колокольчиком и, резко развернувшись, зашуршала белым крепдешинном в синий горошек по тропинке от речки на высокий берег, где стоял посёлок. Поздно вечером Дмитрий постучал в окошко избы, в которой жила почтальонка с матерью. Дуся отворила раму, выглянула и сказала негромко, просто, будто ждала этого стука:

– Я сейчас.

В лесу за околицей много укромных местечек для свиданий. Пропал парень!..

Свадьба неслась по травянистому высокому берегу наперегонки со стремительной майской Камой – звонкими частушками и песнями, удальскими переливами гармошки, вихревыми танцами да хороводами. Самогон тоже лился рекой. Посёлок гулял. Лучший друг и товарищ Ваня Зимовец, свадебный дружка, вдруг вытанцевал из круга к молодым, не выходявшим со своего места во главе длинного, составленного из нескольких дощатых, стола.

– Дуся, айда! – схватил невесту за руку, вытащил в ряды танцующих.

Евдокия не возражала, закружила с Иваном в кадрили, замахала платочком.

Дмитрий и выпил немного, а враз захмелел. А тут ещё дед-в-обед-сто-лет Пантелей перегаром в ухо:

– Дуську-то твою... закадрили в кадрили.

Шатаясь, жених пробрался сквозь толпу, вырубил Ивана кулаком в челюсть.

– Что ж ты, Дуся! – только и сказал остолбеневшей жене, развернулся и вернулся за стол.

Он бежал, – да, бежал! – по крутому глинистому берегу навверх, к родному посёлку. А навверху – никого. Оглянулся: поднимающаяся чёрными весенними водами Кама, на другом берегу – тёмно-зелёный лес, набирающий молодую силу.

На единственной улице – ни одного прохожего. И то – рабочий день. Но почему переливы гармонизации из настёжки отворённого окна их квартиры в почерневшем от дождей дощатом бараке сплава участка?! Дверь не заперта...

На столе – наполовину опорожнённая бутылка самогона, чугунок с остывшей варёной картошкой. Дуся смотрит из-за стола непонимающими ослепшими глазами. А Ваня Зимовец, в гимнастёрке, склонил голову над гармошкой, наяривает – ничего не видит. Он по другую сторону стола, прислонился к стене. Дмитрий стоял на пороге какое-то время. Гармонь слушал? Себя? Но... быстрым шагом к столу, Ваньку-подлеца за шкуру, рванул на себя. Бутылка завалилась на бок, полила стол. Выскочившие из чугуна картофелины покатались по разливавшемуся самогону и застыли в нём жёлто-белыми островками. Под ноги Дмитрию выкатилась из-под стола грязная дощечка на колёсиках. А он держал над столом пол-Ваньки, безногого, в галифе без штанин, с гармошкой в руках. И замелькали в расширившихся глазах артиллериста «тигры», «сорокапятки», госпитальные бинты в кровавых пятнах. Бережно опустил Ивана на стул. Повернулся к жене.

– Дуся, где дети?

– Галька-а! – пьяно крикнула Евдокия.

Застыранная простыня, служившая ширмой, за которой стояла кровать, заколыхалась, край её приподнялся и показалось востроносое бледное личико.

– Чего смотришь? – проварнякала мать. – Папка с войны пришёл!

Галя, худенькая, в коротком выцветшем платьишке, выскочила из-за ширмы, подбежала к отцу, обняла, достав лишь до его пояса, прижалась молча. Дмитрий подхватил дочь на руки, зацеловал глаза и макушку.

– А Юра?

– Пойдём! – показала Галя на дверь.

Она вела отца за руку к окраине леса за посёлком. Ноги Дмитрия налились свинцом – там было кладбище.

– Вот, – показала дочь на поросший сочной густой травой холмик. И снова уткнулась отцу в ноги. Её худенькое тельце затряслось – беззвучно плакала.

Дмитрий стёр ладонью молодой мох, поселившийся на деревянной табличке, прибитой к небольшому, «детскому» кресту, прочитал: «Харланов Юра. 1941 – 1943».

Присел на могильный холмик – ноги не держали. Повернул дочь к себе лицом. Галя заглянула в его мокрые глаза, заговорила:

– Юрочка и так был слабенький, а тут воспаление лёгких. Всё пить просил. Врач из района приезжала, дала микстуру. Сказала, нужно усиленное питание... А у нас щи из квашеной капусты, да пустой чай.

– Галька-а! – вперемешку с рыданиями донеслось с тропинки, ведущей из посёлка на погост.

Оглушительно зашелестел рядом крепдешин. Евдокия обняла крест, запричитала:

– Юрочка-а! Сыночек!

Дмитрий поднял голову – белое платье в синий горошек.

– Я же присылал офицерский паёк, деньги...

Евдокия зарыдала с новой силой. Крепче обхватила крест.

Дмитрий поднялся, отряхнул галифе.

– Галя, ты уже большая – девять лет. Поедешь со мной?

– Куда, папа?

– Не знаю пока. Жить.

Девочка посмотрела на мать. Евдокия перестала причитать и плакать. Не отпуская крест, кивнула. И Галя вложила свою костлявую ладошку в такую крепкую руку отца.

Они сделали несколько шагов, остановились. Дмитрий обернулся. Протрезвевшая, всё такая же красивая, в белом крепдешинном платье в синий горошек, Евдокия не смотрела им в след.

– Что ж ты, Дуся...

Держась за руки, отец и дочь спускались к реке, на причал.

Лидия ГОРТИНСКАЯ

Ленинградская обл., д. Истинка

Родилась в Архангельске в 1982 году. Кандидат физико-математических наук. Член Российского союза писателей. Издано три печатных книги и пять электронных. Дипломант VII международного конкурса журнала «Литера Нова», шорт-лист «Проект специального назначения», номинация от АО «Заслон» (Литрес), лонг-лист «Новые горизонты (Литрес), лауреат литературного конкурса «Мгинские мосты» (2025). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ЧТО ТЕБЕ, ТО И МНЕ

Mi – sinei, se i minei».
Вепсская поговорка

Лучи солнца, ползущего по горизонту белой ночи между сосен, щедро одаривали теплом дома посёлка, спрятавшегося в глубине вепсской земли. Здесь жили потомки древних людей со своими обычаями и обрядами, с традициями, пришедшими из далеких времён.

В доме по улице Советской стояла гнетущая тишина – глава семьи Иван Сергеевич гневался. В такие моменты его жена, тихая Ритва, старалась аккуратно готовить еду или убирать в доме, не попадаясь ему на глаза. А он, сжимая кулаки, изредка гневно стучал ими по столу, чего делать не рекомендовала сама шаманка, уверяя, что столешница – рука бога, с которой ест не только семья, но и предки.

По улице, всё приближаясь, доносился голос гармошки. Иван Сергеевич оттолкнул кота, пытавшегося было прижаться к его ноге, и закрыл глаза. Он ненавидел этот инструмент, уже двадцать лет ненавидел.

Тогда тоже была почти ночь, белая карельская ночь, а он, наряженный в пиджак, перешитый из отцовского, с букетом ромашек и каких-то других цветочков, которые были зло вырваны на поле, шёл свататься к Аурике – рыжей красавице – дочери хозяина продуктовой лавки. Она считалась выгодной партией, да и нравилась ему, сильно нравилась, хотя даже не смотрела на сурового Ивана, когда он пригласил её на танец в клубе. Оттоптав тогда ей все ноги и получив насмешку после, он решил заполучить гордую девку.

Тогда тоже солнце ползло по горизонту, путаясь в соснах, он точно помнил, рядом шли отец и мать, гордые: сын вырос, свататься идет. Тут же семенила шаманка, чтобы засвидетельствовать помолвку перед духами. Дойдя до двора Ваттоненов, отец постучал в калитку. К ним вышли родители Аурики – рыжий Юхно и Мария.

– Заходите, гости, чай попью, – пригласили они в дом сватов.

Звук гармошки, усилившись, вошёл в резонанс со слухом Ивана, так он переживал. В голове шумело, его мутило.

Тогда его отец и мать зашли в дом, по старому обычаю коснулись печки, чтобы всё прошло удачно. Пили чай долго, шумели, в дом всё время приходили какие-то люди, шептались, советовались, Иван пытался выглядывать в тёмном коридоре, который был виден из гостиной, невесту, но она пряталась. Наконец, Юхно встал и заявил:

– Парень знатный у вас, помощник, в армии отслужил, рыбу ловит, в лес ходит. Но не мне решать судьбу дочери. Позовём её – сама пусть и ответит. Аурика! – рявкнул он.

В комнату вплыла она, Иван помнил до сих пор её зелёное платье, белую кожу шеи, в которую сразу захотел впиться губами, рыжие волосы, поднятые в высокую причёску, из которой выбивался якобы случайно забытый локон. Не оставалось сомнений: первая красавица на деревне.

Она поклонилась, лукаво подмигнула жениху и ответила:

– Отец, я Андрея люблю, свататься обещался, да не успел, видать. Не пойду за Ваньку, хоть режь! Утоплюсь иначе перед брачной ночью.

Вспомнив такое унижение, Иван Сергеевич схватил со стола вилку и выгнул пару зубчиков в сторону – ох и потешались над ним поселковые девки после этого.

Аурика быстро выскочила замуж за счастливого Андрея-тракториста и меньше чем через год родила сына.

А его мать нашла ему тихую Ритву, которую он никогда не любил. Гармонь всё приближалась, ближе-ближе. Это сын Аурики, рыжий Санька шёл сватать его, Ивана Сергеевича, дочь Кенку, на русский, Ксеньку. Мужчина зарычал и швырнул на пол испорченную вилку. Ведьма эта рыжая баба, точно ведьма. Муж её, рыбак, не вернулся однажды зимой, через шесть лет после свадьбы. Иван, выждав три года для приличия, однажды явился к ней на порог – шампанское купил дорогое и конфеты в вафельной обсыпке, умыкнув деньги из кошелька хозяйственной жены.

На пороге дома снял шапку и восхитился фигурой Аурики, её грудь стала пышнее, бёдра – округлились. Тёмное платье лишь подчёркивало красоту, пробуждая невыносимое желание ею обладать.

– Аурика, эта, люблю я тебя, сил нет. Ты три года без мужа уже живёшь, хочешь, захаживать буду пару раз в недельку, сговоримся ежели, – тут он помялся, – денег могу подкинуть, всё полегче мальчика растить.

Она снова лукаво улыбнулась и взялась за кочергу.

– Ты что делаешь, ведьма! Да как ты смеешь, я – глава деревни!

– Забирай всё, что принёс, слюни утри и беги отсюда, – у него перед лицом оказался чёрный кусок металла.

Иван решил не спорить, развернулся и выскочил из дома, прорывав матерное слово про неё, за что и схлопотал удар кочергой.

Взвыв, он ломанул к калитке, вдогонку получив яблоком прямо по ушибленной спине – наглец Санька сидел на дереве и караулил.

У него до сих пор изредка болела спина, хотя это было больше психологическое, да иногда ночами жену называл другим именем. Ритва

терпела все выходки мужа. Потом он долго переживал, что Аурика всё расскажет бабам в деревне, но этого не произошло.

Так он и жил с ненавистью и желанием обладать недостижимой женщиной.

В калитку постучали, снова звук гармошки вызвал тот самый прилив головной боли, шум в ушах и желание расстаться с ужином.

– Открой, – рявкнул он, жена тенью метнулась во двор и привела гостей.

С Санькой пришла и Аурика, с той самой улыбкой на лице, которую он так хотел стереть и одновременно наслаждаться. Иван Сергеевич желал бы, чтобы она так улыбалась ему, только ему, а не миру. Она должна смотреть на него с обожанием, стирать носки, готовить еду и отдаваться по первому слову.

Гости коснулись белой печи, поклонились. Высоченный Санька нервно переминался с ноги на ногу, не зная, куда деть руки.

– Мы свататься пришли, – голос рыжей колокольчиком разбил тишину дома.

– Свататься? – проревел Иван Сергеевич. – Не отдам!

Шаманка подняла бровь и на всякий случай погладила печь, надеясь, что домовый добавит разума хозяину.

– Сын мой Александр любит Кену, а она – его. Мы подарки принесли всей будущей родне, а тебе – мотор новый лодочный. Санька с города привёз, с заработков.

– Мотор, говоришь? Решила купить невестку за мотор? Не отдам!! Вон! – крикнул он.

Испуганный кот метнулся в коридор, попав под ноги Кены, которая белым призраком стояла там.

– Нет, говорите? – ухмыльнулся Санька той самой улыбкой, как у матери. – Тогда спросим у реки завтра утром!

Сопровождающие ахнули – старый обычай был уже забыт, к нему не прибегали лет пятьдесят.

По реке молодые пускали каравай, если он плывёт, то брак благословлён, никто не может ему противостоять, а если тонет – то жених отступится от невесты, не будет свадьбы.

– А пусть, – хихикнул Иван Сергеевич, – завтра всё и решим. В пять утра!

Когда сваты вышли, он приказал жене:

– Тесто ставь, каравай будем печь!

На берегу реки ранним утром собралось всё население посёлка – такого представления не было давно, по сравнению с привозимым изредка в дом культуры кино, оно оценивалось на сто баллов против десяти баллов за фильмы.

Иван Сергеевич с Ритвой, бледной, как лепестки ромашки, стоял и ожидал сторону жениха, которые явились ровно к пяти. Кена, увидев Саньку, заулыбалась и помахала ему рукой.

– Бери каравай, иди с ним к реке, – скомандовал ей отец, впихивая в руку ещё тёплый хлеб. Девушке показалось, что он странно тяжёлый. Шаманка, посмотрев на воду, на небо, кивнула.

Санька взял Кену за руку, бережно сжал и что-то прошептал, Иван Сергеевич не понял что, но терпеливо ждал того самого наказания наглого семейства.

Сказав нужные слова, они пустили каравай по волне, река бережно приласкала языком их обувь, забрав каравай.

– Утонул! Утонул он! – закричал Иван Сергеевич. – Даже не думай подходить к моей дочери, матери скажи, чтобы вещи собирали и уезжали, житья не дам вам.

– погоди ты, что орёшь, не видишь, плывёт? – флегматично одёрнула его шаманка.

– Как плывёт? Плывёт? – его начало бить от гнева. Вбежав на отмель, он попытался поймать хлеб и утопить его, с первого раза это не удалось, он продолжил, а каравай выныривал и плыл.

– Нет! Нет! Так не бывает, там свинец! Хлеб не может плыть! – кричал он, колотя руками по воде. Каравай, покачиваясь, уплывал вниз по течению.

На берегу остались только Ритва, Аурика и молодые. Шаманка, пожевав нижнюю губу, заявила:

– Вяжи половик, по нему молодые в дом войдут, – и ткнула пальцем в Аурику. – Сыграем свадьбу через неделю, кто мы, чтобы противиться воле духов.

Когда Иван Сергеевич, весь мокрый и дрожащий вылез на берег, Ритва, стянув с него мокрую куртку, обняла его.

– В лодку больше не садись, даже не думай! – шаманка зло посмотрела на мужчину. – Зачем дразнишь высшие силы? Смерти хочешь? Не всегда принцип действует «что тебе, то и мне», подарки духов никто не отменял. Смирись и живи, – шаманка фыркнула и тоже ушла.

Только тогда он первый раз с нежностью ответил на объятия жены, понимая, что она – единственный человек в мире, который его любит. Запах её волос показался родным и домашним. Он стоял и тихо плакал ей в висок, а Ритва неловко гладила его по спине.

Михаил ГРИШИН

г. Тамбов

Гришин Михаил Анатольевич родился 2 ноября 1959 года в селе Саюкино Тамбовской области. Окончил Тамбовский техникум железнодорожного транспорта. Работал слесарем, радиомонтажником, начальником снабжения, криминальным журналистом, коммерческим директором в газете «Новая Тамбовщина», предпринимателем. Издал четырнадцать книг прозы. Лауреат II Международного литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России»,

III Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого, в 2015 году книга «Приключения Витьки Картошкина» удостоена звания «Нравится детям Тамбовской области». Член Союза писателей России с 2008 года. Лауреат литературной премии Тамбовской области имени Е.А. Боратынского, лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

СОЛЬ ЗЕМЛИ

В последнее время Дуся Кречетова начала с тревогой замечать, что с мужем Колей творится неладное. Рубит ли он дрова во дворе или мастерит новую кормушку курам, а потом вдруг бросит дела, закурит толстую сигарку, подойдёт к сараю, станет против него, широко раскорячив ноги, и стоит, словно истукан, неотрывно глядя на сарай, жмуря глаза от едкого табачного дыма.

– Чего ты, отец? – окликнет Дуся. – Аль чего случилось?

– Всё хорошо, – отзовётся он не сразу и одарит её тихой загадочной улыбкой, затем сокрушённо тряхнёт головой, как бы разгоняя наваждение, и возвращается к прерванным делам. – Всё хорошо, мать... Волну не поднимай.

А то, бывает, проходит мимо сарая, направляясь в подсобку за косой литовкой, да вдруг опять остановится возле сарая, сдвинет фуражку на затылок и долго стоит, рассматривает, как всё равно в голове что-то прикидывает.

И что на него находит в такие минуты, непонятно. Такого раньше за пятидесятипятiletним мужиком не водилось, его в деревне все так по-уличному и звали – Кречет. Что само собой подразумевало человека крепкого, стойкого, способного выдержать любые перипетии судьбы. Дуся бабским умом понимала, что добром это не окончится. И такой день настал.

В воскресенье Коля поднялся до свету. Утро только зачиналось, обозначившись за далёким Мажарским лесом едва заметной нежной розовой каймой, а сам лес ещё скрывался за лиловой призрачной дымкой. Во дворе же упруго гнулись острые листья низкорослого пырея, отягчённые крупными каплями прозрачной росы, одуряюще пахло влажной корой молодой ракиты, густо разросшейся у ограды. Ранний воздух необыкновенно чист и свеж, всё вокруг дышало бодрящей прохладой. Тишина.

Зябко передёргивая плечами, Коля прошёл в подсобку, оставляя на примятой траве молочный проследок, взял плотницкий топор и уверенными шагами направился к сараю. В курятнике захлопал крыльями проснувшийся петух, готовясь радостно оповестить мир о том, что настало новое утро, да Коля его опередил, вполголоса грозно приказал:

– Цыц, дурная птица!

Петух, несказанно удивлённый столь странным поведением хозяина, всегда добродушного и желанного, тотчас смешался, и обидчиво завохтал.

Дуся, спавшая в горенке чутким сном, тоже почувствовала, что во дворе происходит что-то неладное. Слабый ветерок как раз качнул лёгкую ажурную занавеску, и она быстро выглянула в распахнутое окно. Увидев мужа, решительно шагавшего с топором в руках в сторону сарая, Дуся проворно вскочила с постели и, как была в сорочке, выскочила на улицу. Сверкая загорелыми икрами босых ног, она забежала наперёд мужу, и крестом раскинула руки, перегораживая дорогу.

– Коля, – закричала Дуся, – не пущу! Скажи хоть, что ты задумал, ирод окаянный?

– Сарай буду разгораживать, – ответил с пугающим спокойствием Кречет.

– Да как же так? – охнула Дуся, ноги у неё подкосились, покачнулась, но всё же устояла. – Опомнись!

Сарай Коля построил собственными руками, когда становился на ноги с молодой женой. Он был сделан из сосновых брёвен, они высохли и теперь приобрели золотистый оттенок, а уж по прочности не уступали и самой твёрдой вещи, как например кость древнего мамонта. Хороший вышел сарай, добротный, ему век износа не будет.

– Как же так? – стонущим голосом спросила жена. – Столько лет ведь стоял...

– Время разбрасывать камни, и время их собирать, – ответил он смиренно и улыбнулся той благодушной улыбкой, которой последние дни улыбался, как будто он один знал великую тайну.

Тогда она круто развернулась и метнулась к дому; вскоре скрылась внутри, а когда вновь выбежала наружу, в руках держала икону «Неопалимая купина», в душе крепко надеясь на помощь Богородицы. Теперь она стояла перед мужем, не одна, а со святым образом бережно прижимая потемневшую от времени икону в серебряном окладе к обвислой от возраста груди. Раскосмаченная, в простенькой ночной рубашке с непривычным для себя суровым лицом, Дуся и сама сейчас выглядела как Блаженная из жития святых.

Кречет на минуту замер, упёршись взглядом в прекрасный лик Богородицы, отмеченный печальной мудростью, потом размашисто перекрестился, и молча отодвинул жену в сторону. Он прошёл мимо неё, неожиданно величественный, словно вдруг стал выше ростом, глядя прямо перед собой посветлевшим лицом, как будто для него это был знак свыше.

У сарая оглянулся, его взор был красноречивее всяких слов, но Кречет всё равно посчитал своим долгом внести ясность в столь обескураживающий поступок:

– Не гони волну, Дуся, время покажет, кто был прав.

Первый удар топора отозвался в её груди невыносимой болью, она утробно застонала и, покачиваясь на непослушных ногах, ушла в дом. В горенке женщина повалилась на мягкую кровать, и от пережитого ужаса как будто провалилась в бездонную пропасть.

Они не разговаривали неделю, пока Кречет разбирал сарай, обстоятельно по одному брёвнышку, старясь неосторожным движением не испортить его блестящую, словно напитанную жёлтым мёдом, поверхность. Затем он аккуратно грузил это брёвнышко на старенький велосипед, надёжно привязывал вожжами к раме и увозил за околицу.

По мере того как стены с каждым днём уменьшались в размерах, оголяя скелет сарая, начала понемногу оттаивать и Дуся, всё чаще стала подумывать о том, что треклятый сарай всё равно давно уже стоял без толку, только зря место во дворе занимал. Этим она не то чтобы себя успокаивала, а так оно на самом деле и было, потому что из живности у них нынче оставались лишь несколько курочек да петух, вот и всё их хозяйство. А когда исчез и остов вместе с крышей из нержавеющей жести, Дуся окончательно смирилась с его утратой. Правда, и сам Коля стал подолгу отсутствовать дома, занятый где-то на стороне сомнительными делишками. Судя по тому, что плотницкого инструмента тоже не было на привычном месте, Дуся пришла к выводу, что муж находится на подработках.

За домашними делами и другими заботами незаметно пролетело лето, настала осень. Дуся уже стала забывать о том случае, как неожиданно Коля явился в обед, прикатив на своём выдавшем виды велосипеде. Солнце неподвижно зависло в полнеба, лёгкая паутина с паучками размером с мелкое просяное зерно невесомо летала в тёплом воздухе. Тишина. Бабье лето.

Муж стал посреди двора и, не слезая с велосипеда, весело гаркнул:

– Садись, Дуся, на рамку! Поедем, я тебе кое-что покажу!

От его зычного голоса даже своевольный петух испуганно взлетел на крышу дома и там притих, спрятавшись за печную трубу, а куры – те вообще чуть не попадали в обморок от страха. А самому Коле хоть бы хны: заразительно смеётся, и глаза у него непривычно искрятся, словно блестящие искры рассыпает он вокруг себя. Таким Дуся его не видела, почитай, с весны после того знаменитого скандала с сараем.

– Доверься мне, Дульсинея ты моя ненаглядная! – вновь удивил Кречет и заманчиво поманил зачерствелым пальцем. – Иди, иди сюда... ну, смелее же.

От его слов на душе у женщины до того стало хорошо и умиротворённо, словно внутри сладкая патока растеклась, а то хоть и помирились давно, а неприятный осадок на сердце всё же остался.

– Это куда же ты меня заманиваешь? – кокетливо поинтересовалась она.

– Не пожалеешь, – ответил Коля, поглядывая на жену шаловливыми глазами. – Точно говорю.

Дуся аккуратно подобрала юбку выше округлых колен, кое-как разместила мясистым задом на узкой раме, и они покатали по заросшей подорожником тропинке. В эту минуту они были похожи на молодых, как, бывало, когда-то ездили миловаться в Мажарский лес, в заливные луга или на неширокую, но глубоководную реку Кёршу. Только теперь они двигались не так стремительно, потому что были всё-таки в почтенном возрасте, да и велосипед всю дорогу скрипел, и неустойчиво виляли колеса, уже отслужившие свой долгий срок.

Когда выехали за околицу, Дуся догадалась, что правит Коля к Манюхинскому бугру, где они уже не раз бывали. Рукодельный муж в своё время смастерил у его подножья новый мост через реку, и ступени наверх, чтобы было удобно добираться на высокий и крутой холм. По его словам выходило, что миллионы лет назад, когда ещё жили динозавры, в этом месте произошёл разлом земной коры, и вселенская исцеляющая сила, которая раньше была скрыта под толщей земли, здесь выходит наружу и лечит от любой хандры. Дуся и сама пробовала лежать в траве на его вершине, и уже через несколько минут явственно начинала чувствовать, как снизу из земли идут живительные токи, пронизывая раздобревшее с возрастом тело, наполняя его необыкновенной силой.

Ещё издали она увидела сияющий свет на Манюхинском бугре, будто тысячи лампочек горели одновременно, что даже на таком расстоянии слепило глаза. А когда подъехали ближе, Дуся разглядела, что это светится самодельный купол из нержавеющей жести на небольшой часовне, очень похожей своим внешним видом на храм Покрова на Нерли. Только тот выглядит белоснежным, как искристый сугроб снега, а здесь отливался золотым слитком.

Они поднялись наверх. Внутри часовни было необыкновенно светло от проникавших сквозь высокие и широкие окна солнечных лучей, а от жёлтых, как мёд, бревенчатых стен исходил покой и умиротворение. Дуся тотчас почувствовала на сердце истому и благодать, показалось, что тело сделалось вдруг невесомым, так взяла бы и взлетела ввысь, как ангел божий.

Женщина прижалась к мужу, положила голову ему на плечо, сказала тихо, едва дыша, боясь неосторожным словом потревожить хрупкую тишину:

– Хороший ты у меня, Коля, заботливый, всё для людей. Только кто сюда будет ходить, совсем не осталось народу в деревне?

– Это ничего, Дуся. Пройдёт время, люди опомнятся и станут потихоньку возвращаться из городов назад. Деревня – это соль земли, не будет деревни, не будет и страны. Попомни мои слова. Не может деревня

не возродиться, не может такого быть, – стонущим голосом ответил Коля Кречет, подставляя лицо под яркий солнечный луч. Немного помолчал и вдруг сказал с блаженной улыбкой на своих чёрствых, уже выцветших губах: – Умру, похорони меня рядом с часовней. Тут земля сухая, птицы поют, весело мне будет здесь лежать, отсюда далеко видно.

Коля представил, как будет он лежать на вершине Манюхинского бугра, и скупые слёзы сами собой покатались по его обветренным ввалившимся щекам.

Надежда КВАСОВА

г. Калининград

Родилась и живёт в Калининграде. Окончила Калининградский государственный технический университет (коммерсант) и Калининградский пограничный институт ФСБ России (юрист). С 2018 г. работает копирайтером и гострайтером. С 2024 года – пишущий выпускающий редактор калининградского бизнес-журнала «First Persons». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

– Да шоб те пусто было, опять сбежал! Васька, а ну сюда иди, кс-кс-кс...

Дребезжащий от старости голос и мерное постукивание костыля слышалось всё ближе. Двое нетрезвых парней нехотя отступили от пойманного на тёмной аллее Центрального калининградского парка подростка. Тот, уже потерявший надежду вернуться домой с телефоном, деньгами и целой переносицей, востропнулся и кинулся напрямик через кусты.

Старушка, схватившись за сердце, охнула от оглушительного треска веток и недовольно проводила подслеповатым взглядом мальчишку:

– Уроки дома делать надо, а не шараться тут!

Она мельком глянула в сторону разочарованно матерящихся вслед ушедшей добыче алкашей. Не сочтя их достойными комментариев, продолжила кыскасть. Воображаемый кот упрямо прятался в недрах парка.

Старушка заковыляла в сторону дома. Подойдя, сгорбленная, к подъезду, досадливо крикнула. Буркнула под нос приветствие вышедшей соседке Наталье со второго этажа. Зайдя в квартиру, поставила костыль в угол у двери, расправила плечи, хрустнула шеей вправо-влево и словно сбросила лет десять. Неожиданно бодро прошла из прихожей в комнату и открыла дверцу приветливо скрипнувшего шифоньера. Стащила с верхней полки массивный блокнот в кожаном переплёте. Тот ненароком цапнул за уголок фотографию, выпавшую из старого фотоальбома.

Чёрно-белый квадратик плавно спланировал под ноги баб Нине. Она, кряхтя, подняла, глянула и вспомнила, поджав губы. Где теперь та с искрящими юностью глазами, гладкокожая, белокурая Джульетта, в которую только дурак бы не влюбился? Осталась вечно стоять в обнимку с Ромео на выцветшем фото. Прошли те времена, когда за спиной брызгали ядом зависти коллеги по сцене. Как это, Нинке да Катерину отдали в «Грозе», чем она лучше их?! А ничем, – до режиссёрской постели так и не добралась. Её благодетель был рангом повыше, в самом комитете, только тс-с, никому. Да никто в труппе и не знал этого. Как и того, почему именно она моталась по гастролям с избранными актёрами из труппы. Могли лишь

догадываться и судачить по углам, кто в этот раз осыпал её цветами после спектакля и повёз «город показывать».

Лишь её красота не требовала ретуши даже после бессонной ночи: косульки глаза цвета утреннего летнего неба, точёные ножки и талия горянки. Умела Ниночка заглянуть в чиновничью душу сапфировыми глазками, затрепетать в деланом смущении от поглаживавшей по коленке мужской руки, поломаться для приличия и отчаянно сдаться порыву страсти в номерах... А после, натягивая шёлковые чулочки на бёдра, незаметно шевелила припухшими от стараний губами, запоминая каждое слово ослабившего бдительность с юной актрисой. Вся информация скрупулёзно запоминалась профессионально выдрессированной памятью и по возвращении сразу фиксировалась на бумаге, чтобы передать куда следовало. А следовало оно прямоком в раздутые папки, методично собираемые подполковником КГБ, под чьим патронажем работала Нина почти двадцать лет.

Ниночку он опытным взглядом выделил из старлеток, робко ступавших на театральные подмостки. Отказа сотрудничать не предполагалось, об этом Нине недвусмысленно дали понять сразу. Иначе никакой актёрской карьеры ей не светит. А за успешное выполнение поручений полагались денежные выплаты и награда, о которой режиссёрские любовницы только мечтать могли, – главные роли. Если и действовать – то «сверху», пусть и через интимные спецзадания. Если играть роль – то только прямой!

Подполковник заботливо подогревал её амбиции, метко подмечал значимые детали в исполненных ролях на сцене. Похвала как бы между прочим вплеталась льстивым кружевом в чёткие наставления и исчерпывающие данные о следующем объекте. Нина умом всё понимала, но без драмы себя не мыслила, как и без театра. Потонула в омуте собачьей преданности или, как нынче говорят, пала жертвой стокгольмского синдрома. Проницательный чекист догадался о её чувствах, недаром столько лет изучал человеческую природу и видел людей насквозь. Нине честно, хотя и с долей сожаления, дал понять, что безнадёжно «женат на службе и немного на супруге».

Сонмы поклонников с влюблёнными глазами подкладывали под ниночкин пьедестал цветы охапками, а под фундамент финансового благополучия – украшения и антикварные вещицы. Нина всё стоящее продавала, следуя мудрым советам подполковника. Но актёрская карьера, жесточайший контроль над каждым сантиметром в талии и задания в разъездах не располагали к обзаведению семьёй.

К сорока годам с первыми морщинками и коварно пробивающимися седыми волосками в причёске задумалась о ребёнке, но грянула ранняя менопауза. О детях она со вздохом то ли облегчения, то ли сожаления забыла.

Пьедестал примы стал скользок после выхода на пенсию её подполковника. Задания плавно сошли на нет ещё раньше. Старлеток на подмену хватало. Некуда было спрятаться от подмигивающей яркими софитами старости и всё более зрелых ролей. Роли юных героинь закономерно перешли к молодой и канонически красивой актрисе.

Годы шли, Нина досадливо морщилась, получая распределение на роль нянюшки Джульетты. Играть старух она не хотела. А уже предлагали роль бабы Яги на детских новогодних спектаклях, а не Снежную королеву, как в прошлом году. С театра уходить было сродни смерти. И что теперь? Сидеть сутками у телевизора, переругиваясь с дикторами, как её ровесницы? Сползаться на скамейки у подъезда на ежевечерние обсуждения, кто с кем спит и кем работает? Проталкиваться по утрам в пропитанные недосыпом и злобой автобусы со студентами и работягами, чтоб ухватить крупу по акции на другом конце города? Ох, как не хотелось Нине становиться классической старухой! Одной из тех, что становятся невидимками в толпе до той поры, пока не устроят скандал в очереди поликлиники.

Любая роль всегда была для Нины возможностью пожить за персонажа, завернуться с головы до ног в плащ его опыта и вышить образ узорами своей личности. Ей нравилось вынести роль за пределы сценария и стен театра, привлечь внимание парой незаметных движений и пожить приросшим к себе персонажем среди людей. Могла в образе выпорхнуть из дома и напиваться изумлёнными взглядами прохожих. И что с того, что высокие перчатки протёрты по швам, из шляпки топорщилось надломленное перо и вуаль светила дыркой напротив плотно напудренного носа! Нина гордо несла себя и созданный образ на каблучках, подкованных металлом для звонкости.

Как-то после выступления на очередной «Ёлке» в драмтеатре Нина решила пройти пешком до дома – от свежего воздуха крепче спалось. А чтоб не рисковать в зимних сумерках кошельком или жизнью, костюм Яги не сняла и грим не смыла. Пока ползла по гололёду, опираясь на бутафорскую клюку из старого костыля, услышала мужскую перебранку и заметила возню в переулке. Двое мужиков пытались затащить в тонированный джип девушку.

Бедняжка изо всех силёнок упиралась тонкими каблучками сапог в ледяные рытвины тротуара, тихо поскуливала от отчаяния и страха,

прижимала сумочку к груди, словно та могла затормозить неумолимое сближение с жадно разинутым зевом машины. Распалённые беспомощностью жертвы хищники с двух сторон привычными движениями подтаскивали её к открытой двери.

Вид у Яги и для детей был жутковатый, а для неподготовленного обывателя и вовсе. Горбатая старуха в рваньё, торчащие во все стороны седые лохмы, крючковатый нос с огромной бородавкой на кончике, изогнутая коброй клюка в полтора метра длиной – персонаж из детского кошмара. Нина грозно рыкнула, замахнулась клюкой и ринулась в бой с автомобилем. Тягаться с мужиками не имело смысла, это бы их только разозлило. С размаху яро заколотила по жалобно отозвавшемуся металлу, словно церковный звонарь под рождество. Мужики оторопели и секунд пять молча пялились на сумасшедшую, в сердцах молотящую по капоту их выдавшей виды тачки. Пока они ослабили бдительность и хватку, девушка отчаянно рванула к освещённой улице, вовремя подошёл трамвай.

Бандиты дёрнулись было за ней, но машину было жалче, чем добычу. Они заорали в унисон:

– Э, ты чё творишь, старая! Отошла от машины!

Приближаться к ведьме никто из них не рискнул. Та подняла над собой клюку, как флаг, и ринулась на врагов. Те не стали дожидаться исхода, толкаясь и матерясь, втиснулись в машину и рванули с места так, что завоняло резиной.

Нина потрясла палкой им вслед, выкрикивая проклятья и рисуя жуткие, ей самой неведомые символы свободной рукой. Выдохнула, огляделась, рассмеялась и... осела на тротуар. Сил от собственной рискованной игры не осталось. Бывает же! Боялась сама, а испугались её. Посидела с минуту, прислушиваясь к бьющему в макушку пульсу. Медленно поднялась, нежно огладила замявшийся местами костюм и потащилась к дому с чувством выполненного долга и пришедшего вдруг осознания, чем ей заняться вне театральных стен. Ведь бывших актрис, как и бывших чекистов, не бывает.

Баб Нина кивнула своему изображению на фото, вздохнула и закинула его, не глядя, поглубже на полку с фотоальбомом. Открыла блокнот, покусав кончик ручки, отметила на схеме парка новый маршрут патрулирования, на котором спасла зашуганного мальчишку. Ну да ладно, завтра с утра по плану совещание на лавочке и обсуждение новых видов мошенников с картами Сбера. Хоть раз в неделю, но старушечьи собрания бывают полезны для сбора информации обо всех жителях микрорайона. На каждого из них у баб Нины был свой файл. Бумага помнит дольше и надёжнее, чем мозг. Это она хорошо усвоила из своей второй «работы».

Наташка со второго поздно возвращается со смены через «Шервудский» лес. А в газетах опять про маньяка в нашем районе упомянули. Лиза со Стёпой в свои пятнадцать уже взрослыми себя мнят, засиживаются дотемна у школы в обнимку. И кто присмотрит, как эти дети домой через гаражи пройдут?

Благо перед уходом из театра Нина прихватила списанные костюмы: бабы Яги, охотника из «Белоснежки» вместе с внушительного вида бутафорским ружьём. Чего не хватило для антуража, добрала в секонд-хэндах. Потому что бывших актрис, как и бывших чекистов, не бывает. А роли, как оказалось, не только в театре бывают главные.

Владимир КУЗЬМИЧЁВ

Башкортостан, г. Уфа

Член Союзов писателей России и Республики Башкортостан. Пишет стихотворения, афоризмы, рассказы и эссе. Автор двух книг: «Несерьёзно о серьёзном» и «Вверх тормашками». Публиковался также во множестве коллективных сборников и в центральных газетах и журналах по всей России. Помимо прочего, различные произведения нашли своего читателя в СМИ Германии, Великобритании, Ирландии, США, Канады, стран Восточной Азии и Израиля. Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, победитель Всероссийского литературного конкурса патриотической поэзии «ZOVпредков» (2025), Международного литературного конкурса им. А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2025), Международного литературного конкурса им. Уолта Уитмена (2025), лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

– Сколько вы говорите, его нет уже на работе? – спросил участковый.
– Два месяца – ответил заведующий отделом НИИ, – он у нас давно работает, но никогда не то чтобы прогуливал, даже на работу не опоздал ни разу.

Участковый перевёл взгляд на начальника ЖЭУ и кивнул.

– Давай, Петрович! – скомандовал начальник слесарю. Тот достал инструмент и умело вскрыл дверь.

– Понятые здесь? – поинтересовался участковый.

– Здесь! – одновременно ответили понятые. Они жили тут же по соседству.

– Заходим и ничего не трогаем – продолжил участковый и первым шагнул в проём двери.

* * *

Леонид Данилович был обычным среднестатистическим жителем российской глубинки. Он ходил к девяти утра на работу и возвращался после шести вечера домой. Впрочем, как и большинство из людей вокруг, в массе которых он ничем особенным не выделялся. Даже фамилия его была вполне обыкновенной – Венчиков.

Необычным было хобби Леонида Даниловича. Он рисовал. Но как рисовал! Запросто мог маслом сделать шедевр, достойный лучших образцов живописи эпохи возрождения. Об этом никто не знал, и поэтому гений оставался неизвестным.

Леонид Данилович трудился в НИИ рядовым сотрудником. НИИ был секретным и всё происходящее в нём, как говорится, находилось под семью печатями. Это объясняло многое. Никто в точности не знал, чем занимаются в стенах института. Даже сам Леонид Данилович. Зато абсолютно все

работники давали подписку о неразглашении. Военная тайна! Это в свою очередь накладывало некоторые ограничения – Венчиков был «невыездным».

Но, как и всякий человек, познающий мир глазами телеведущих, Венчиков мечтал побывать за границей. Так сказать, почувствовать на себе все её прелести.

И так бы остались мечты Леонида Даниловича мечтами, если бы не один случай, перевернувший вверх тормашками всю его жизнь.

Однажды в институтской столовой кем-то был забыт сотовый телефон. Телефон лежал на том же столе, за которым обедал Венчиков. Обычный телефон с большим экраном.

– Нужно найти хозяина и отдать, – подумал Леонид Данилович и положил телефон в карман пиджака, тут же благополучно забыв о нём. Венчиков был весьма рассеянным человеком.

Об аппарате он вспомнил только на следующий день, когда, надевая костюм, почувствовал некую тяжесть в кармане. Леонид Данилович включил гаджет, и экран приветливо засветился. На экране высветились вчерашняя дата и время.

– Странно! – воскликнул вслух наш герой и нажал на телефоне кнопку. Что-то в этот момент случилось. Очертания квартиры стали туманными, всё вокруг вдруг потемнело, и в ту же секунду Венчиков уловил запах, который казался очень знакомым. Смесь котлет и борща, и ещё чего-то подгоревшего, как в институтской столовой, успел сообразить он. Вспышка света и глазам Леонида Даниловича действительно предстало помещение столовой.

Он сидел за столом. Перед ним стоял поднос со вчерашним обедом, от которого шёл пар! В его руке был зажат найденный телефон. Цифры на экране показывали те же самые дату и время. Леонид Данилович достал из кармана свой телефон и посмотрел на табло – даты и время совпадали!

Из задумчивости Венчикова вывел возглас уборщицы.

– Ну, что? Обедать будем, любезный товарищ, или будем ждать завтрашнее утро?! – насмешливо заметила уборщица.

Он посмотрел на экран, было уже почти пять часов вечера. Еда была холодной, да и кушать совсем не хотелось. «Не может быть!» – подумал Леонид Данилович и вышел из-за стола.

Что было затем и как он попал в тот вечер домой, Венчиков не помнил. Придя в себя уже дома, Леонид Данилович включил телевизор. Шёл знакомый фильм, который показывали вчера... Вчера!

В руках вновь появился найденный телефон. Время на экране оставалось прежним в отличие от его собственного телефона, который показывал, что сейчас вечер вчерашнего дня...

Так вот оно что! Это же самая настоящая машина времени. Выставляемая дата и время – время прибытия... – роились мысли в голове

работника НИИ. А как же быть с местом? Координаты? Может, это всё можно регулировать? – вопросы, как лента телеграфа, непрерывно возникали в сознании и стучали невидимыми клавишами.

Леонид Данилович погрузился в изучение меню аппарата и уже к полуночи примерно представлял себе его работу. Было несколько вариантов настроек. Со временем и датой проблем не возникло – выставляешь год, число, месяц и время, и оп-па... Ты уже там!

Хуже было с определением точных координат. Но и эту проблему, как оказалось, можно обойти. Видимо у кого-то из создателей устройства был развит «Топографический кретинизм», потому как вариант названия местности тоже присутствовал.

И вот он, счастливый момент, когда долгожданный опыт начинается. Вопрос выбора времени и места у экспериментатора не возник – он точно знал, куда предстоит отправиться.

Дрожащая рука стала набирать дату, время и страну прибытия. Лёгкое нажатие пальца и всё вокруг опять потемнело. Ноздри Венчикова стали вбирать в себя густой аромат южных растений и благоухающих цветов. Взору экспериментатора открылась великолепная панорама.

Он находился посреди долины, утопающей в садах. По склонам окрестных гор, расположенных амфитеатром, были разбиты виноградники, а вдалеке среди холмов виднелось лазурное море. Мощёная дорога, у края которой стоял Леонид Данилович, извилисто пересекала всю местность и скрывалась в живописном ущелье.

Он улыбнулся. Эксперимент удался! Это то самое, о чём мечталось долгие годы. Наш герой собственной персоной находился в Италии пятнадцатого столетия. Красотища! В любой момент и куда хочешь – мечта! И она осуществилась!

Теперь нужно было сверить время на своём мобильнике и ввести такое же на экспериментальном устройстве. Леонид Данилович любовно погладил найденный телефон, а тот в ответ издал полифоническую мелодию и экран начал постепенно меркнуть, а через мгновение и вовсе потух, перестав подавать признаки жизни.

Следующие несколько минут Венчиков нажимал на кнопки, пытался трясти телефон, гладил его и просил хоть на минутку включиться. Но всё тщетно. Леонид Данилович вдруг догадался, что тот просто разрядился.

А может, от моего телефона аккумулятор подойдёт? – подумал Венчиков и стал судорожно шарить по карманам. Телефона нигде не было. Венчиков взволнованно моргнул, ему стало ясно, что аппарат остался дома.

В этот момент на дороге послышались шаги, и к нему, снимая шляпу в знак приветствия, подошёл незнакомец.

– Benvenute, signore! – произнёс на чистейшем итальянском языке тот.

* * *

Жить в пятнадцатом веке оказалось нетрудно. Леонид Данилович довольно быстро освоился. Чистейший воздух и на сто процентов экологическая пища благотворно способствовали этому. Буквально через год он довольно сносно общался с местными жителями на итальянском.

Венчиков вспомнил своё хобби и стал зарабатывать себе на жизнь рисованием. Нет ведь ничего лучше, чем заниматься любимым делом.

Пришедшую в негодность «чужеземную» одежду совсем скоро сменили яркие одежды того времени, и уже ничего в облике Леонида Даниловича не напоминало человека из третьего тысячелетия. Даже имя теперь звучало иначе. Поначалу он представлялся: Леонид Данилович Венчиков. Но итальянцы с трудом выговаривали эту тарабарщину и со временем сократили звучание до удобной им формы. А Леонид Данилович, между тем, тоже сократил свою подпись под картинами до инициалов – LDV.

Бывало, что на экспериментатора накатывала вдруг хандра. Он мог долгими часами неподвижно смотреть в окно, а затем нарисовать что-нибудь такое, что невозможно объяснить с точки зрения научных знаний того времени. Нарисованные на них диковинные штуки были ни на что не похожими и загадочными. Парашюты, танки или вертолёты станут привычными только через несколько сотен лет, но в те времена... Ностальгия, понимаете ли, ностальгия!

* * *

После осмотра квартиры, в которой, увы, не нашлось ни самого Леонида Даниловича Венчикова, ни информации, проливающей свет на таинственное исчезновение хозяина. Да-да, это как раз была квартира нашего экспериментатора.

Участковый ещё раз окинул взглядом помещение и зачем-то подошёл к мольберту в углу. За ним стояло несколько прислонённых друг к другу картин. Картины были прекрасны. Изображённые на них сюжеты надолго приковывали взгляд.

– Я такие по телику видел, – сказал один из понятых. – Аккурат точь-в-точь как в музее.

– А это – мысль! – заинтересованно произнёс участковый. – Нужно опись составить и на экспертизу их. Вдруг этот Л. Д. Венчиков по совместительству жулик какой.

* * *

Картины были тщательно упакованы и отправлены в столицу. Прошло достаточно много времени. Жизненная рутина поглотила всех участников

этой истории и уже почти позабылось странное исчезновение гражданина Венчикова. Но однажды, благодаря центральному телевидению, история получила неожиданное продолжение.

В одном из сюжетов программы «Время» рассказали о необычной находке нескольких картин. Эксперт в полном восторге говорил о найденных полотнах, по почерку принадлежащих кисти великого Леонардо Да Винчи – экспертиза не оставила сомнений в их подлинности. Вот только одно удивляет, написаны картины не так давно, что абсолютно не вяжется с логикой и что это, возможно, одна из самых необычайных загадок современности...

– Да это же те самые картины, – воскликнул один из бывших понятых в квартире, глядя в телевизор. – А я говорил, что точь-в-точь, как в музее.

Тем временем по телевизору показали не только найденные полотна, но и уже хорошо известные потомкам работы мастера. Знаменитая «Улыбка Джоконды» теперь казалась ещё более загадочной, чем прежде.

Наталья ЛИТВЯКОВА

г. Ростов-на-Дону

Родилась в г. Ростове-на-Дону, по образованию оператор связи, экономист. Автор книг: «Расскажи мне, маг», сборник рассказов; «Черти-Ангелы», роман взросления; «Карусель для двоих, или Рыжая-небесстыжая», повесть о первой и последней любви. Вошла в лонг-лист литературной премии «ЛиФФт-2020». Победитель творческого конкурса рукописей романов литературных мастерских CWS (2022). Член Ростовской областной писательской организации, регионального отделения СПР. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

РОСТОВСКАЯ ДЕВА

Выцветшие под жарким ростовским солнцем листки с ровными немецкими буквами бельмами взирали на прохожих с афишных тумб. Рядом с листовками – плакат и надпись на русском: «Гитлер – освободитель». «Пакость, тьфу!» – Зинаида сплюнула, увидев ненавистную рожу. Женщина возвращалась с «менки». Оставила внучек с соседкой Зойкой и пошла в центр на стихийную барахолку в поисках соли. Соль! Выловленную из Дона рыбу, на которой можно хоть как-то продержаться, нельзя хранить без соли зимой, а сейчас, летом – тем более. Спекулянты вылезли уже из всех щелей, ведь наступило затишье: почти три недели прошло, как бои откатились за пределы Ростова, дальше, на Кавказ. Потому и удалось обменять немного соли на махорку, оставшуюся после мужа. Замотала добычу в тряпицу, припрятала надёжно за пазуху, прежде чем отправиться назад.

Зина поправила платок, взглянула ещё раз на плакат, и вдруг потрянуло её от чёрных букв, а в груди разлился холод: сегодня всем евреям нужно явиться в пункты сбора. О дате и времени гласило воззвание – эти самые выцветшие листки. Вот почему сегодня так много появилось на центральной улице людей с детьми и чемоданами. Страх вонзился в сердце когтями: Мария Борисовна из второй квартиры! Весёлая, добрая, смуглая, с живым сорочьим взглядом, звонким голосом, Мария Ройсберг – еврейка. Дочка её, Ксения, внуки... Зина очнулась, вспыхнула мысль: остановить Марию! Она же, как и все, законопослушно пойдёт к пунктам сбора. Нужно спасти хотя бы их! Что есть мочи Зинаида бросилась бежать. Лишь на перекрёстке замедлила бег, приняла равнодушный вид: на углу толкались «хиви», окружённые фашистами. Среди врагов увидела Савву из соседнего дома – предателя, подавшегося в полицаи. Зина точно знала, что он составлял списки, ходил по дворам, квартирам – сверял пофамильно.

К толпе просеменила Ксения с сыновьями, и Зина проскочила мимо не останавливаясь, поняла: их спасти поздно! Но где же Мария? Не видать. Женщина медленно зашла во двор их трёхэтажки, закрыла калитку и только

потом побежала к дому, чувствуя, как просыпалась соль из развернувшегося тряпичного узла и крупинками колола кожу. «Да чёрт с ней, солью», – промелькнуло, когда увидела во дворе Марию с внучкой Сонечкой. Зина схватила их за руки и потащила назад к подъезду:

– Ты дура, Борисовна? Соню куда тащишь? Ксеньку куда пустила, голова твоя садовая, ты не слышала, что люди говорили? Позавчера первых ваших уже расстреляли в балке!

Она не успела затолкать Марию в подъезд, во двор зашёл Савва. Вслед за ним офицер и солдаты. Холуй тотчас подбежал к женщинам, отпихнул Зину, а с Марии Борисовны сорвал шляпку. Чёрные с проседью кудри упали на плечи женщины:

– Жидовка! – торжествующе завопил он.

Немец подошёл ближе, демонстративно надел лайковую перчатку, брезгливо коснулся волос, взял Марию за подбородок, резко поднял лицо женщины вверх, к солнечному свету.

– Нет, нет же! Господин офицер! – Зина метнулась к нему в отчаянии.

Офицер отпрянул, солдаты встали на пути. Зина застыла, но продолжила кричать:

– Итальяно! Эй, ты, как там тебя, Савва, переводи им! Итальянцы! Из графьёв, вот те крест! Мария, не молчи, скажи им по-итальянски. Спой! Савка, переводи, слышишь? Невинных погубите! Что же делается? – частила словно в горячке Зина. – Что же делается, господин офицер? Большевики угнетали, житья не давали, всё происхождением их попрекали, а теперь и вы туда же?! Переводи, Савка, живо!

Савва почувствовал силу в гневной речи Зинаиды, перевёл. Перевёл, да от себя предложил пригласить итальянца, фотокорреспондента, которого на днях приставили к местной ростовской газете. Пусть послушает, как говорят «итальянцы». Он же сразу поймёт, настоящие или нет. Немец выслушал полиция без эмоций и скомандовал солдатам, те подтолкнули Зину, Марию, Сонечку к стене прикладами. Один навёл на них автомат, другие пошли по квартирам. Зойка живёт на первом! У Зойки девочки: Валюшка, Лидочка... – у Зины в который раз похолодело в груди, зашлось в бешеном стуке сердце. От пота щипало разъеденную солью кожу, но она, не обращая внимания, спросила:

– Что он сказал, Савка? Что происходит?

– Расстрел щас произойдёт. Придёт итальяшка, проверит твоих соседок, как они гутарят по-евоинному и – капут. Думаешь, я не знаю, что они жидовки? И двор весь в расход пустят за твою брехню и укрывательство.

– Зачем же ты брехню переводил?

– А чтоб помучились, – ухмыльнулся Савва.

Солдаты тем временем выволокли людей из квартир, а Зойку с девочками заставили встать рядом с Марией и Зиной. Она крепко прижала внучек к себе. Чувствовала, как дрожат плечики у восьмилетней Вали и трёхлетней Лидочки, слышала, как громко стучат их сердечки. А ещё слышала звуки шагов: размеренных – то возвращался солдат, посланный за итальянцем, и торопливых – во двор, обгоняя фашиста, почти вбежал худошавый смуглый парень. Нескладный, подвижный будто ртуть, выглядел он нелепо в военной, непохожей на немецкую, форме. В такт скорым шагам на груди его подпрыгивал фотоаппарат. Так же быстро, как и двигался, итальянец заговорил высоким голосом, размашисто жестикулируя будто артист на сцене. Офицер поморщился и что-то рявкнул в ответ. Савва ткнул пальцем в Марию Борисовну, приказал ей:

– Давай, слышь. Гутарь. Щас тебя быстро на чистую воду выведут!

Гутарить она не стала. Выступила вперёд, прикрыла глаза, чуть откашлялась, запела:

Bevo umilmente il calice amaro.

Non emetterò un gemito, non proferirò una parola.

Lascia che questa sia una bevanda purificatrice per la mia anima!

Lascia che la sacra volontà del cielo si avveri!

Марию Борисовну слушали, умолкнув, не только люди, казалось, даже ветер затих, деревья не шелестели листьями. А старинный двор-колодец вобрал в себя арию Жанны и голос Марии, словно костёр – воздуха, от чего огонь его разгорелся сильнее, взметнулся вверх языками пламени к солнцу, к небосводу, и от свободы той небесной зазвучал ещё чище, ещё звонче, чем раньше. У Зины спёрло дыхание и выступили слёзы на глазах: никогда она не слышала, чтобы Мария Борисовна пела так, как сейчас, предчувствуя последние минуты жизни. Белый платок соскользнул с волос Зинаиды усталой птицей, сложившей крылья, упал к ногам женщины.

Итальянец подскочил на месте, воскликнул: «Браво, брависсимо!» и замолчал, посмотрел на хмурого немца. Тот, помедлив несколько секунд в томительной тишине, хлопнул несколько раз в ладоши. Итальянец вторил ему с энтузиазмом и с прежним восторгом:

– Браво, брависсимо!

– Какая брависия ещё? Петь у нас на Дону любая баба может, и стихи учить. Каку ни возьми – споёт не хуже вертихвостки с оперетки. Ты её в разговоре обычном послухай! – Савва не унимался. Ох, как не хотелось ему выглядеть в глазах фашистов недотёпой. Да и не мог он ошибиться: народишко этот паскудный за версту чуял!

Мария побледнела. Зинаида не поняла, от чего лицо соседки будто обескровили: по-итальянски она стрекотала словно швейная машинка, чего

испугалась-то? Итальянец глянул на офицера, дождался его кивка, начал спрашивать. И чем больше задавал вопросов, тем тише, тем неувереннее отвечала Мария, пока корреспондент не прикрикнул на неё с досады:

– Говорите, ради всего святого, громче. И всё, что угодно, только не прерывайтесь, прошу вас!

И Зинаида догадалась, почему боялась Мария расспросов: итальянец раскусил их, по его отчаянному голосу, взгляду поняла. Остаётся довериться воле божьей, решила Зина... Детишек вот только жаль да девчат – Зойку, Ксеньку. От мыслей о смерти её отвлѣк жест итальянца – тот щѣлкнул пальцами, выпрямился и улыбнулся, будто бы принял условия игры. Не выдаст! – поняла Зина. И Мария поняла. Заговорила быстрее, громче, нараспев. Спустя несколько минут фотограф подтвердил итальянское происхождение Марии Борисовны. Савве приказали вернуть Ксению с мальчиками. А спаситель заявил, что ему нужно сделать фотографии: «Сложилась прекрасная ситуация, синьор офицер, в вашу пользу, то есть, в нашу пользу. Мирное население счастливо видеть немецкую армию в своём городе. Посмотрите на их лица, как они довольны. Мой репортаж – лучшее доказательство! Я напишу, что в одном из дворов вас приветствовали концертом. Исполнением итальянской оперы. Ну, разве это не то, что вам нужно?»

Офицер нехотя согласился и встал с краю ряда, в котором выстроили взрослых. Спереди – детей. Между офицером и Зоей итальянец втиснул солдата, сделав несколько кадров, и обратился к Марии с каким-то объяснением. Та в ответ покачала головой, не соглашаясь. Он махнул рукой и ушѣл вслед за немцами, покидавшими двор. Зинаида молча посмотрела им вслед.

– Он сказал, что потом принесѣт нам карточки, – Зина не спрашивала, но Мария Борисовна всё равно перевела. – Поблагодарил за пение и за выбор арии.

– О чём же ты пела? – Зина растеряно щупала голову, плечи в поисках платка.

– Я смиренно пью горькую чашу.

Не произнесу ни стоны, не пророню ни слова.

Пусть это будет очищающим напитком для моей души!

Пусть осуществится священная воля небес! –

тихонько пропела Мария Борисовна, наклонилась, подняла платок. Добавила, протянув его Зине: – Ещё он сказал, что сегодня увидел двух Орлеанских дев, но только я думаю, что всё же одну! Мария Борисовна обняла Зинаиду дрожащими руками. – Спасибо, родная!

...«Не обманул итальянец», – подумала Нина, разглядывая выпавшую фотографию из старой папки с документами. С пожелтевшего снимка смотрели испуганные глаза девочек Лиды, Вали, Сонечки и обречённые – женщины: Зины, Зои, Ксени; смотрели глаза героев дворовой легенды, ожившей в одну секунду... И Нина передумала продавать квартиру прабабки Марии.

Андрей МАКАРОВ

г. Москва

Родился в 1962 г. Окончил Ленинградское Арктическое училище, юридический институт. Был моряком, военным, журналистом, милиционером. Состоит в Союзе писателей России. Вышло три книги прозы. Публикации в журналах «Юность», «Смена», «Роман-журнал 21 век», «Русский переплёт», «Литературной газете» и др. Обладатель нескольких литературных премий. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

«ВЫ ВСЁ С СОБОЙ ДЕЛАЕТЕ САМИ»

– Люди гибнут за металл, – узколицый мужчина с острой бородкой, напевая, вышел на привокзальную площадь. Было прохладно, он запахнул широкий защитного цвета плащ и надвинул пониже бейсболку.

У вокзала поджидали клиентов таксисты. Самый шустрый метнулся навстречу.

– Борода, поехали? – предложил он, крутя на пальце ключи от машины.

Приезжий сел в тойоту с шашечками на борту. Водитель обрадовался, что клиент не спросил цену.

– Куда едем?

– В центр.

– Две тысячи! – наудачу выстрелил таксист.

– Договорились...

Тойота нарезала квадраты улиц вокруг вокзала.

– Надолго к нам? – поинтересовался водитель.

– На день. Небольшая консультация, получу гонорар и назад.

Машина припарковалась на центральной площади в пяти минутах ходьбы от вокзала.

– Хорошо быть консультантом, – таксист облизал губы, когда клиент открыл набитый купюрами бумажник. – В Европе десять процентов чаевых дают.

– Так мы в Азии, – пожал плечами пассажир, – держи двадцать процентов сверху.

На площади он покачал головой у объявления «Пропала девочка» и зашёл в офисное здание. В лифте нажал кнопку нужного этажа. На нём толкнул одну из одинаковых дверей.

– Добрый день! – обратился он к сидевшему за заваленным бумагами столом делового вида толстяку. – Помощь прибыла.

– Я её вызывал? – удивился тот.

– Может, и не вызывали, – пожал плечами гость, – может, кому говорили, что надо разрулить проблему. А мы тут как тут, – он протянул визитку.

«Простое решение сложных проблем». Дальше как обычно: сайт, номер телефона, электронная почта.

– Вы не из нашего города?

Так лучше. Можно говорить откровенно.

– Чем откровеннее, тем дороже, – усмехнулся хозяин кабинета.

– Не переживайте. Сначала проблема, потом цены.

– Проблема простая, – решился тот. – Одна прибыльная контора поделена на троих, в том числе, и на меня. Появилась возможность выкупить ещё треть акций. Получится – я фактически её владелец.

– Нет денег на выкуп? – поинтересовался визитёр.

– Деньги вроде есть, а вроде и нет.

– Это как?

Хозяин кабинета протянул исписанный торопливым почерком лист.

«Жирная скотина, если жизнь дорога, гони «лимон»! Мелкими купюрами! Если серьёзно – хорош тянуть! Совесть имей, брал на месяц, а уже третий на исходе. У меня под них интересное дело наклюнулось. Трофим».

– Если не возвращать деньги, можно выкупить треть фирмы, – заключил узколицый, вертя в руках бейсболку.

– Не только, – состроил гримасу мужчина в кресле.

– Ага, Трофим третий пайщик, если вернуть деньги, он сам эту треть выкупит и станет хозяином, а вы, типа, сбоку припёку.

Мужчина кивнул.

– С Трофимом какие отношения? Кто ещё о долге знает?

– Трофим – друг с детства, больше никто не в курсах.

– Значит, так, – подвёл итог гость, – расклад такой: вернуть деньги, и Трофим купит фирму, а вы с этого момента никто. Не вернуть деньги – поднимет шум, будет под ногами путаться и купить самому не даст. Нужен третий путь, чтобы и деньги остались, и друга с дороги убрать. Дай записку, – перешёл на «ты» консультант.

Он взял лист, приложил линейку и резким движением оторвал и выбросил нижнюю часть бумаги. То, что осталось, держа за краешек, вложил в пластиковый файл.

– Всё! Детство кончилось. Держи, владелец прибыльной конторы.

И прочитал оставшееся на листе:

– «Жирная скотина, если жизнь дорога, гони «лимон»! Мелкими купюрами!». Куда отнести и что сказать знаешь?

Толстяк запустил пальцы в волосы, взъерошив их. Гость поднялся из кресла и пошёл к выходу.

– Сколько с меня? – глухим голосом спросил хозяин кабинета.

– Первая услуга – бесплатно. Отныне с тебя должок. И ещё, кореш на нарах попарится – свою треть отпишет, только за то, чтобы чистым воздухом дышать...

Он вышел из офисного центра, ступил пару шагов и сморщился. Ботинки неимоверно жали.

Подкатила тойота с шашечками.

Консультант достал из одного кармана бумажник, из второго – пачку купюр. Примерился – не влезет ли в него пачка.

– Куда едем? – водитель не отводил взгляд от кармана, в который легли деньги.

– Никуда, – бросил ему узколицый, – пешком пойдём.

Он гулял по городу. То, зачем приехал, решилось неожиданно легко и быстро, от этого внутри осталось недовольство.

Тянулся бесконечный забор. Дальше проходная, заводская Доска почёта, щит с объявлением и фотографией пропавшей девочки. Заставленная машинами автостоянка. Между ними пробирался парень в рабочем комбинезоне. Консультант остановился, наблюдая за ним.

Парень присел у колеса старого фольксвагена. Раздалось едва слышное шипение.

Наблюдавший неслышно подошёл и положил руку ему на плечо.

– Как глупо! Или это шутка такая?

– Тебе-то что? – вскочил парень. – Шёл бы ты, дядя, дальше.

– Не вопрос. Только, так сказать, с высоты прожитых лет, небольшой совет. Любое действие должно давать результат. Пойдём, покурим.

Они присели на скамейку. Консультант достал пачку сигарет.

– Я не спрашиваю, что у тебя за тёрки с клиентом на пассате. Чего ты вообще добиваешься?

Парень молча курил.

– Кто это хоть?

Тот ткнул рукой на фотографию на Доске почёта. На ней с напряжёнными лицами застыли токари и нормировщики, мастера и технологи. Со снимка, на который показал парень, улыбался его ровесник.

– Лучший мастер завода, – прочитал консультант. – Прикольно. Завод частный, а на Доске не фото скромных владельцев, а, как и раньше, рабочий класс. А твой враг симпатичный и улыбается. Плохой человек?

– Наоборот, – неохотно пояснил парень, – слишком хороший. Командировка наметилась от завода за границу, решали, я или он поеду. Сегодня узнал, что меня задвинули.

– Обидно, – согласился консультант. – Ничего сделать нельзя?

Парень пожал плечами.

– Зачем колесо спускать? Он же не на пассате туда поедет. Посерьёзнее ничего в голову не пришло?

– Кошку дохлую в машину подбросить?

– Зачем кошку? Видишь объявление на щите?

– Вижу. Девочка пропала. Весь город увешан.

– А ты внимательно прочитай.

– Ну девочка... шапка синяя вязаная... ленточка красная шёлковая...

– Синяя вязаная, красная шёлковая. Если в его машине такие шапочку с ленточкой найдут, в земле перепачканные...

Парень зло улыбнулся.

Консультант пошёл дальше. Настроение поднялось.

Тойота с шашечками тащилась следом, как привязанная.

– Хромаешь ведь, отвезу хоть куда, – канючил таксист.

– Любезный! – не оборачиваясь, процедил бородатый, – срубил бабла и катись, радуйся жизни.

– Смотри! – в голосе таксиста зазвучала угроза. – Ходишь, шепчешься, гадости какие-то лепишь.

Консультант подошёл к машине, взял водителя за лацканы куртки и потянул к себе так, что тот чуть не по пояс высунулся в открытое окно.

– Никогда! Запомни, никогда! Я никому не делаю плохого. Вы всё с собой делаете сами.

– Да ладно! – таксист вырвался и упал на сиденье, – я что?! Надо – поехали, не надо – и слава Богу!

Консультант схватил камень с земли.

Колёса взвизгнули, тойота скрылась за поворотом.

Мужчина шёл, хромая всё сильнее. Таксист, сам того не ведая, разозлил его. По пути попалась воинская часть с красными звёздами на зелёных воротах. Он поправил плащ и бейсболку и прошёл через КПП.

Одна из дверей в здании штаба оказалась незапертой. Он решительно зашёл, круглолицый старший лейтенант вскочил из-за стола и перевернул лист бумаги.

Консультант взял лист, пробежался по тексту.

– Молодец! – похвалил он, – сам на себя представление пишешь. А почему лишь на медаль?

– Виноват! – рявкнул старший лейтенант.

– Ты дурака-то не включай. Не тот случай. – Консультант сел за стол. – Старлей! Тебя пять лет учили, а я тебе в трёх словах объясню. Скромность – лучший путь к безвестности. Представь себя к ордену. Кто прочтёт твои фантазии? Человека два-три. Поработай, чтобы они в этот момент зажмурились. А орден на твоей груди все увидят. Ты в этой части надолго?

– Мне скоро переводиться.

– Так что скромничать? На новом месте кто узнает, как ты награду получил?! Ты сейчас выбираешь не что на мундир повесить, а кем дальше быть: расти, как бамбук, до генерала в столице или уволиться через двадцать лет майором в тьмутаракани с единственной медалькой на мундире. Посмотри...

Консультант расстегнул плащ, показав ряды орденских планок на груди.

– Извините, товарищ... – не нашёлся как обратиться офицер, – подскажите, что написать?

– Э, нет! – зло рассмеялся тот, – сам должен сочинить. Не буду мешать. Как говорится, успехов в службе. Ещё увидимся...

Он шёл, всё сильнее хромая, довольная улыбка играла на лице. День завершался прекрасно. Дорога взяла в сторону, словно вгрызаясь в край замусоренного леса, оставляя справа усеянный валунами откос.

Его догнала и поехала рядом тойота с шашечками.

– Консультант! Все гонорары собрал? – поинтересовался таксист.

– Думаю, ещё один будет, – узколицый заглянул в салон, где два мрачных типа маячили на заднем сиденье.

– Садись к нам! – рявкнул один из них.

– Не по пути!

– Садись! – процедил таксист, – жизнь дороже денег.

– Это ты правильно сказал, – подтвердил узколицый.

– Моё дело предложить, – водитель пожал плечами, и машина отстала.

Консультант помахал рукой и захромал дальше.

Двигатель тойоты взревел. Забыв про хромоту, узколицый метнулся к откосу. Качнулся влево-вправо, словно вратарь, готовящийся поймать мяч, в последний момент неуловимо быстро отскочил. Нёсшаяся на него машина выскочила правыми колёсами на обочину, под левое колесо попался камень, подбросил её, и она, кувыркаясь, полетела вниз.

Консультант посмотрел с откоса. Превратившаяся в сплюсненную консервную банку легковушка лежала на крыше колёсами кверху.

Не по-осеннему палило солнце. Он расстегнул плащ, поддел и с облегчением расшвырял в разные стороны ботинки. И легко пошёл дальше, постукивая копытами.

Владимир МИСЮК

Самарская обл., г. Тольятти

Мисюк Владимир Николаевич родился 14 апреля 1959 года в Ставрополе-на-Волге (ныне Тольятти). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза российских писателей. Автор 11 поэтических книг. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета», в журналах «Юность», «Смена», «Город», «Луч», «Под часами», «Южная звезда», «Новый журнал» и др. Редактор литературно-художественного журнала «Город» (Тольятти), редактор-составитель альманахов «Паровоз» и «Лёд и Пламень». Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Ода огороду» (Тольятти, 2022), дипломант Всероссийской литературной премии им. Александра Маздорфа (Тольятти, 2024), Международного поэтического конкурса «Звёздная стихия» (Тольятти, 2024), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «От детства к детству» (Тольятти, 2025). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

СТАКАН МОЛОКА

Памяти деда Ивана Матвеевича Калинина

Мальчик рос болезненным и слабым. Он часто и подолгу недомогал, и однажды заболел так, что глаза его матери не высыхали от слёз... Ему делали уколы, от которых жалко вздрагивало его худенькое тельце, но он не плакал, а только прятал лицо в подушку и неподвижно лежал некоторое время.

Семья мальчика жила в маленьком городе, ещё нарождающимся на свет божий. Каждое утро отец и мать мальчика уходили на работу, оставляя его на догляд бабушке и деду. Доктор, бывший однополчанин и настоящий друг деда, появлялся в доме почти ежедневно, ласково клал ладонь на покрытый каплями пота лоб мальчика и говорил: «Ну, как наши дела, гвардеец?». Мальчик слабо улыбался и каждый раз отвечал: «Хорошо». «Хорошо-то, хорошо, – бурчал доктор, – да вот говорят, что ты молока не пьёшь, а?». Мальчику становилось почему-то стыдно, и он отворачивался к стене, натягивая одеяло повыше.

Случилось так, что мальчик действительно не мог пить молоко: от него на лице проступали красные пятна, величиной с копейку, мальчика сильно тошнило и рвало так, что, казалось, вот-вот вывернет наизнанку. Он привык к слову плеврит, представлявшемуся ему составной частью фамилии: Иван Иванович Плеврит. Но было ни капельки не смешно.

Однажды утром мальчик проснулся раньше обычного, его мутный спросонья взгляд наткнулся на деда, стоявшего спиной к нему, у окна. Когда дед повернулся в полуоборот, мальчик увидел стакан молока посреди подоконника.

– Я тут молока себе налил, – сказал дед. – Ты, Матюха, смотри у меня, не трожь. Я и старой наказал. Угрожаю всех, ежели что.

Как только за дедом закрылась дверь, мальчик осторожно встал и, шлёпая босыми ногами по широким половицам, добрёл до окна, не спеша, маленькими глотками выпил весь стакан, чувствуя слабый вкус меда и терпкую горечь сока алоэ. До возвращения деда он успел лечь в постель и успокоить бешено колотящееся сердце.

Дед, увидев пустой стакан, рявкнул на весь дом:

– Кто? Считаю до трёх. Раз... Матюха, ты? Твоя работа? Два...

Мальчик отрицательно затряс головой, изо всех сил стараясь сдержать кривящийся в улыбке рот.

– Ну, значит, ты старая, – крикнул дед в коридор. – Подь сюда!

В комнату вплыла бабушка, вытирая руки о фартук поверх тёмного платья, пахнувшая беляшами и пирожками, прочими вкусностями, обитающими на кухне.

– Молись, несчастная, – гремел дед.

– Истинный бог, – шепелявила бабушка, – истинный бог, ни сном ни духом...

– Ладно-о-о, – зловеще тянул дед, – я своё в обед возьму. Разбойники...

В обед повторилась в той же последовательности утренняя история: мальчик выпил молоко, дед громыхал на весь дом, бабушка крестилась и открещивалась...

И в ужин.

И мальчика совсем не тошнило.

Шли дни. Мальчик пил дедово молоко, и постепенно настолько окреп, что стал выходить во двор и гулял в саду... Как-то раз, заглянув из сада в окно, он увидел свою маму и деда, сидящих на диване в горнице. Мама целовала руки деду, а тот что-то ей смущённо говорил, стараясь отдёргнуть свои похожие на широких лещей ладони.

«Чего это она?» – подумал мальчик и тут же забыл обо всём, заприметив на одном из цветов ослепительно-красивую бабочку.

Мальчик давно уже стал взрослым.

Давным-давно погиб его дед, разбившись на железнодорожном переезде о шлагбаум.

Много позже он похоронил бабушку.

Несколько лет назад в страшных мучениях умерла его мать.

А молодая жена мальчика никак не может понять: почему иногда за завтраком её муж замирает, остановив взгляд на стакане с молоком, не замечая её и не слыша слов.

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

г. Красноярск

Заведующий кафедрой, профессор Сибирского федерального университета, специалист в области геологоразведки и буровых технологий. Автор художественных и публицистических работ, очерков, рассказов и книг. Публиковался в журналах «Роман-газета», «Аврора», «Балтика», «День и ночь», «Невский проспект», «Енисей», «Бийский вестник», «Кольцо А», «Царицын», в ряде альманахов и сборниках. Победитель литературных конкурсов на премию им. С. Аксакова, им. В. Трушкина «Присутствие», «Петроглиф», «Уральский книгоход», «Иду на грозу». Финалист конкурсов на литературные премии им. Ф. Искандера, «Дальний Восток», им. А. Дельвига, дипломант Арктической премии им. В. С. Маслова. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ВЕРА ИГНАТИЯ

Анна не считала себя верующей. Мама её, якутка по национальности, не была православной. В трудные минуты ходила мама к шаману, что жил в чуме у реки на краю села, несла дары и просила силы, здоровья и благополучия для семьи.

Отец, суровый русский мужчина, любил дочь, но сам не был набожным.

Перед войной отца забрали нагрянувшие среди ночи сотрудники НКВД, а мама и брат погибли в долгой дороге на остров Тиит-Арыы в дельте реки Лена у моря Лаптевых. Всю семью, как сотни других, в голодный 1942 год отправили на новое место проживания – на пустынный остров за Полярный круг накануне зимы, для работы по заготовке рыбы. Анне после нескольких месяцев на острове, среди гибнущих каждый день от холода и голода людей, удалось вырваться, – так судьба распорядилась, и волею судьбы оказаться на берегу Байкала в посёлке со смешным и странным названием Большие Коты.

– Да нет же! Кóты! – поправляли строго местные приезжих, а между собой себя звали, посмеиваясь, котятками.

Дом на берегу Байкала, в который привезли Анну, уютно прислонился к косогору у самой тайги, и тропа сразу из леса вела к выбеленному дождями, местами покрытому курчавым изумрудным мхом забору, заросшей тропке через двор.

Сосновый лес с редкими берёзками нависал над домом, убегая вверх по склону. Здесь у стен бревенчатого дома с кровлей из умело уложенного горбыля, теснились несколько высоченных сосен, шумела у забора раскидистая с гроздьями ягод рябина, а несколько молодых ёлок разбрелись по двору, словно девки в хороводе с раскинутыми во вращении юбками.

От дома к берегу сбегала круто тропка, набитая за много лет ногами ходоков, талыми водами и дождями. На берегу на воде из досок был устроен причал на деревянных опорах, а к пристани подвязаны смолёные лодки, что

колыхались на пологой волне, и казалось, пританцовывали в нетерпении, просясь при виде людей отправиться в путь, словно молодые скакуны, застоявшиеся в конюшне.

Вода чистая, холодная до озноба, не таила глубины, и можно было видеть столбы опор настила причала, резко «сломанные» гладью озера, уходящие в глубину до дна. Вокруг опор, заросших густым подводным мхом, табунились густые стайки рыб-мальков, ведомые синхронно неким коллективным разумом, обследующих мелководье на фоне россыпи окатышей, – чистых и ярких.

Так вот и вышло, что Анна росла, не приобщившись к вере. Но здесь, в Кóтах, она однажды увидела, как Клавдия Степановна – соседка, в своей избе молится на образа. Делала женщина-солдатка, это не менее двух раз в день и приговаривала:

– Молюсь за него, моего солдата, – пусть прикроет его Господь своей заботой.

Отметив, что Анна равнодушна к обрядам и молитвам, Степановна завела разговор, как бы невзначай и велела о Боге не забывать, а мальчика Сашку, рождённого сразу после Тиит-Арыы, окрестить.

– Крестить надобно Сашу. У мальчонки судьба не простая с первых дней. Натерпелся по глаза, но уберёт его Господь. А значит, иди ему навстречу, Анюта. Сама сделай шаг и войди в Его пределы внимания и заботы. Может, так и отца мальчонки прикроешь от напасти. Ему там на этом Тиит-Арыы, как непросто, – та же война, с тягостями да холодом.

Когда, вразумлённая соседкой Анна, присматривалась к иконкам, казалось ей, что лики святых из глубины далёких эпох смотрят на неё с укором, но и с некоторой надеждой.

Анна согласилась, и как только случилась оказия, – катер из Листвянки, отправилась со своей покровительницей в посёлок у истока Ангары, где рядом в деревне Никола возникла церковь, и объявился священник. Сказывали, что это вернувшийся с войны после тяжёлого ранения местный мужик Игнатий своей верой воскресил приход.

До войны Игнатий был обыкновенным деревенским мужиком, – как все рыбачил на реке сызмальства, по субботам ходил в баню, парился до одури, кидался с берега в реку раскалённым телом нагишом. Любил выпить в компании, позубоскалить с мужиками, на гармонии наигрывал на разрыв души. Рыдала в руках Игнатия гармонь и выдавала яркие густые звуки, – словно цветы полевые охапкой разбрасывал: выжимала слезу гармошка, молила о милосердии, бередила душу.

Как война грянула, забрали Игната.

Напоследок, уходя уже за деревню, заиграл Игнат, запела, как в последний раз, гармошка. Сельчане стояли со слезами на глазах, просветлённые, и улетала великая тоска с мелодией ввысь, как душа неприкаянная. И просила эта душа о милосердии, умоляла не забывать и верить в благополучный исход. А перед посадкой в грузовик, когда уже

наплакались все, Игнат затянул «Прощание славянки», и стало на душе торжественно, волнующе тревожно, но сразу как-то просторно и ясно.

Увезли мужиков, а вскоре пошли восточки с полей военной жатвы, засеянных телами так обильно, что зарево яростной энергии душ павших воинов долго не угасало над полем брани, словно немеркнувшее закатное зарево.

Что тут скажешь, не одну бабу в деревне пришили к лавке похоронки с фронта. Падали иные и наземь, пришибленные стонали да катались в слезах. Другие, – те, что поостроже, держались на людях, а ночью мочили подушки потоками горьких слёз.

Многие думали тогда о том, что вот был рядом мужик, – и непутёвый казалось, а и то вредный и злой, – ну просто злыдень, но... как не стало его, – небо вдруг серым показалось, ночи стали дли-и-и-нные, пустые и мучительные, такие, когда думы забирают последние силы, а поутру и рук не поднять. А от мысли, что не сама схоронила, ещё горше было: некуда пойти и поплакаться, поговорить о доле своей. И как будто в этом подвох есть: не видела в гробу знакомого лица, и могилки его нет, а от того, не верилось до конца в кончину мужнину, а порой думалось: «А был ли он?».

Но, как стукнет калитка во дворе или громко, по-хозяйски громыхнёт кто-то сапогами на крыльце, сердце обмирает: «Вернулся никак!»

Но то ли калитку качнуло ветром, то ли вдруг в дверь неуклюже вошёл сосед или соседка попросить мелочь какую, или просто незатейливого внимания, а сердце заходится, трепещет.

На Игната так же, как на других сельчан, пришла похоронка.

Баба его поголосила, как положено, да и забилась угол. А он, глядь, – идёт через полгода после похоронки по улице со стороны города и только вот вместо левой руки у мужика пустой рукав гимнастёрки за пояс заткнут, а лицо помято и перекошено багровым шрамом – сразу и не узнать Игната. Но в остальном мужик живой, и баба его уж на другой день после приезда сразу преобразилась. Налилась румянцем, глаза заблестели, коса вдруг откуда-то появилась вокруг головы, да с лентой яркой.

Чтобы понять значимость чего-то привычного, казалось, обыденного, а от того порой мало чтимого, требуется это потерять, и находка эта оказывается порой неожиданно дороже самого сокровища.

– Да, – сказывали сельчане, – воскресил бабу Игнат, живительным каким снадобьем, – да посмеивались, когда видели счастливую жёнку фронтовика, бодро вышагивающую по улице.

– Тока вот не сыграет больше нам на праздник затейник наш, – говаривали иной раз, сокрушаясь, вспомнив спевки и пляски под Игнатову гармонь.

А потом и чудо случилось, как подтверждение неведомых целебных свойств. Зашептались бабы при встрече: жена Игната, которая не могла после страшной простуды в девичестве забеременеть, вдруг округлилась

налилась в талии, сменила осанку – стала ходить гордая и как положено по сроку родила, да не одно дитяtko, а двойню.

– Чё деется-то, – дивились бабы, посмеиваясь и тут же и грустили, вспоминая тех, кто ушёл на фронт и особо с печалью, кто уже не вернётся.

Игнат тоже подивился, повеселел да взялся шутить:

– Теперича у меня вместо одной руки четыре новеньких образовалось. Научу мальцов и на гармошке, и на балалайке играть, – будет у нас ансамбль семейный. А я сам, как гармонист, уйду в отставку на повышение: стану дирижёром семейного трио, а то на ложках смогу стучать, да сапожком подтопывать.

Игнат, конечно, изменился за тот неполный год под ружьём да по госпиталям. Прошлась по нему лемехом стальным война, перевернула пласты души, перекроила суть человеческую. Вероятно, это отметили и небеса. Порой судачили об этом сельчане и говаривали, что не только беды валяются на головы, но и чудо случается, если с горестями перебор образовался.

После страшного ранения, пережив долгий путь через полевые лазареты и госпиталь с их неустроенностью, кровью и болью, вернулся Игнат с верой в душе, полагая, что именно она вытянула его с того света. И взялся мужик каждую свободную минуту рубить часовню. Тягал брёвна из соснового бора, – благо, что под боком стеной тайга. Правил сруб, конструировал купол, – и всё одной рукой. Намучился мужик, но не отступал, – война научила оборону держать. Скоро к нему подключились и другие деревенские, – молодые да седые, увлечённые фронтовиком, и подняли они часовню на горке, и так удачно она встала, что и с дороги, и реки, и Байкала виделся купол, вознесённый к небесам руками и душами прихожан Николы.

Как только часовня встала у села под крестом православным, отправился Игнат в город, поклонился патриарху, и тот, выслушав его, отправил монахов и иерея Власа осветить и править богослужение в Николе.

Вот к нему и решили попасть на обряд крещения Анна с сыночком Сашей, тайно надеясь защитить, спасти и отца мальчика, что остался на Тиит-Ары в тот день, когда ей, тяжёлой на сносях, было предложено покинуть гибельное место.

Обряд прошёл на берегу Ангары, где установили купель. Омытый холодной и чистейшей водой Байкала сынок Саша покинул Николу с крестиком и заплаканным личиком на руках счастливой Анны. Показалось ей, что словно незримую, но крепкую защиту обрёл сын, и верилось теперь, что всё будет по-доброму, всё сложится у него благостно.

Теперь, после обряда, Анна и сама задумалась креститься, но спешить не стала и уже только к поздней осени, шурша багряными листьями на тропе к церкви, прибыла к Николе и также получила из рук Власа заветный крестик после волнительного омовения в стылой, с ледком уже, воде Байкала.

Осталось теперь, приобщившись к божественной защите, только ждать и надеяться, что уймётся война, прибитая победной поступью героев гадина, и отец её сына вернется к ним, преодолев ад Тиит-Ары и долгий путь домой.

Сарра САТУЧИНА

Республика Башкортостан, г. Уфа

Родилась в Республике Башкортостан в 1983 году. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет (магистр, 2023). Публиковала научные статьи по средневековой восточной литературе в рецензируемых изданиях. Была участником литературного клуба «Neva. Лит. СПбГУ», семинаров «Школы молодых прозаиков и драматургов» при Санкт-Петербургском Доме писателей. Финалист конкурса рассказов, основанных на фольклоре «По тропам башкирского фэнтези» (2024). Работает специалистом в области религиоведения в экспертно-консультационном центре. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2025).

ЗЕЛЁНАЯ МЕТКА

Ей снилось, как она рассекает хлеб прямо на своей груди. Лезвие ножа, острое, словно осколок лунного света, играло всеми цветами радуги. Стоило ей потянуться, чтобы рассмотреть это дивное сияние, как лучи, словно живые, выхватили нож из рук и унесли прочь.

Даже в самых причудливых сновидениях можно отыскать крупицу утешения – если помнить, что всё подвластно воле Всевышнего. Может, эти потоки света унесли не только нож, но и колющую боль из её сердца? Не успела Люция Аминовна погрузиться в повседневные заботы, как пиала, стоявшая в старом серванте, с грохотом обрушилась на пол. Звон разбитого фарфора заставил её прижать руки к груди. Недобрые предчувствия, словно вороньё, слетелись на отголоски сна. Всю жизнь она прожила в деревне, где перемены измерялись лишь свадебными обрядами и рождением детей. Две дочери работают учительницами, муж неустанно хлопочет по хозяйству... Значит, беда с сыном. Когда Айнура провожали в армию, ему дали откусить от краюхи ржаного хлеба, а оставшийся кусок подвесили за печкой. Голодная душа найдёт дорогу домой, чтобы закончить начатое. Таковы они, башкирские деревенские семьи: суеверные, но помнящие об Аллах-Тагаля в час испытаний.

Айнур рос простым деревенским парнем, чьим неизменным спутником в горах был домашний пёс. Никогда не тянуло его за горизонт, к чужим далям, да и жизнь в родной деревне не казалась серой рутинной. Колхоз «Маяк» гремел на всю республику своими батырами. Поступив в училище соседнего села, Айнур сразу заявил о себе, заняв призовое место в национальной борьбе. И когда корреспондент местной газеты «Ленин юлы» («Путь Ленина») спросил о планах на будущее, в ответ прозвучал мальчишеский задор: Айнур мечтал устроить настоящую проверку женихам сестёр, испытать их силу в поединке на сабантуе. И, конечно же, подарить чемпионского барана на свадебный туй, чтобы гулянье запомнилось надолго. В армии судьба привела его в танковые войска. Отец в молодости

тоже был танкистом, служил на Дальнем Востоке, близ Халхин-Гола. А сейчас на дворе тысяча девятьсот девяносто пятый год, и деревенская жизнь, кажется, расцвечена лишь пёстрой рекламой, льющейся с экранов телевизоров.

После того как Люция закопала в земле части любимой пиалы, пришла весть: сына переводят из Оренбургской области прямиком в Чечню. В сердце Люции Аминовны вонзились невидимые острые осколки, её материнский долг противоречил долгу гражданскому. Не в силах смириться, она решила ехать за ним. Но прежде, движимая обычаем, обошла дома односельчан, надеясь на мудрый совет.

– Не опережай своей волей волю Аллаха, – изрёк мулла, чей дом заменял мечеть, а пятничные молитвы звучали в тиши его комнат.

– И думать о том, как он страдает? Нет! – в отчаянии возразила она.

Вместо советов она собрала лишь горстку денег на дорогу в Уфу, где, переступив порог Комитета социальной защиты военнослужащих и их семей, обрела себя в союзе солдатских матерей. Женщины из Комитета по очереди давали ей приют в своих скромных квартирах. Маленькая башкирка находила ночлег то у осетинки, то у украинки, объединённых общим горем. Когда усталость валила её с ног и не оставалось сил на себя, они оставляли еду у кровати, стараясь пробудить угасший аппетит. Кто-то тайком зашивал её юбку, пока она спала, а кто-то украдкой плакал на кухне, мечтая вернуть сына в тот мир, который ещё не был тронут войной. Все жили в томительном ожидании вестей с фронта.

С наступлением зимы Люцию и нескольких других матерей отправили с гуманитарной миссией в прифронтовой Моздок. Поезд доставил их к раненым и парализованным солдатам. Прикасаясь к их страданиям, женщины надеялись узнать хоть что-то о судьбе и своих сыновей. Однако прошло десять дней, а поиски не приносили результатов. Время поджимало, и тогда матери решили обратиться за помощью к местным жителям. Башкирских женщин встретили доброжелательно, люди были готовы помочь. Но и тут требовались немалые деньги – чтобы нанять такси и добраться до окраин.

Вблизи села Толстый Юрт, что раскинулось на берегу реки Терек, располагался танковый полк. Таксист, который вёз группу из четырёх женщин, на каждом блокпосту объяснялся на чеченском языке, и их беспрепятственно пропускали. Добравшись до охраняемого железнодорожного вокзала, матери начали обходить танкистов. Люции Аминовне не сразу удалось найти ребят из Тоцка. Несмотря на усталость и боль в ногах, она подошла к очередному танку.

– Сынок, – окликнула она, – откуда ты?

– Из Тоцка, – ответил солдат.

– Айнура Шамсиева знаешь?

– Вон его танк!

Услышав, что перед ним мать Айнура, танкист побежал звонить в штаб. Люция, не сходя с места, замерла. Вдалеке она увидела, как её сын шёл навстречу в сопровождении командира. Сердце сжалось, и слёзы сами собой хлынули из глаз.

– Мам, если ты будешь плакать, я уйду, – строго сказал Айнур.

Она заметила, как изменился его взгляд – стал твёрже, взрослее. Война наложила на него свой отпечаток, и теперь он смотрел на мир иначе, оценивая вещи, которые раньше казались незначительными. Командир, соблюдая протокол, начал объяснять: предупредил, где нельзя ходить – мины, опасность. Люция слушала, словно маленькая девочка, которая вдруг постарела на десятки лет. Они оба были выше её ростом, но её счастье возвышалось над всем. Она нашла сына живым!

Когда командир разрешил накормить солдат привезёнными продуктами, Люция достала бутылку домашнего вина. Айнур снова нахмурился. Командир отошёл, но сейчас было не до этого: в небе пролетали самолёты, где-то рвались «грады», а танки ревели, напоминая, что война отрезвляет.

Все дни, что Люция Аминовна провела в прифронтовой зоне, она устраивала чаепития для земляков. Сидя на бронетранспортёре, она ездила на рынок, готовила борщ на костре или запекала картошку в углях. Айнур, как всегда, делил еду между экипажем и взводом. Так, в тепле и заботе, они грелись вместе с сыном и его товарищами. Люция старалась не думать о том, что не все они вернутся домой, в Башкирию. Она собирала адреса, чтобы передать весть их родным.

С самого начала работы в Комитете она не переставала вязать. Это старинное, как мир, занятие помогало ей справляться с тревогой, вплетая беспокойные мысли в гармоничный узор. Айнур снял бронежилет и склонился к матери, чтобы она смогла надеть на него свой «защитный талисман» – шерстяной свитер, связанный из тысячи узелков. В тепле свитера он захотел поменять и прохудившиеся носки на новые. Его друг тут же выхватил дырявые чёрные ошмётки, чтобы натянуть их на свои холодные ноги.

– Эх, – всхлипнула Люция Аминовна, словно одного сына одела, а другого оставила без внимания.

Как же ей их всех одеть и накормить?

Пока Люция натягивала на сына свитер, её взгляд снова зацепился за болячку на его щеке. Достав из аптечки зелёнку, она аккуратно обвела воспалённый участок кожи, словно пытаясь защитить его от всего мира. Из обрывков разговоров раненых офицеров она знала о бегстве солдат, которых должны были бросить на штурм Грозного. Сердце сжалось от тревоги.

– Сними форму, Айнур, – тихо, но настойчиво сказала она. – Вернись со мной. Это не война, а партизанские диверсии...

Сын уже слышал такие слова.

– Мам, посмотри вокруг. Все они такие же, как я. Как я могу их бросить? – голос его не дрогнул. – Поезжай домой, скоро бой...

Когда она уезжала, рука её машинально тянулась к каждой проезжающей мимо военной машине. Последнее, что она запомнила, – это командир, который маячил рядом, будто боялся, что она украдёт сына. Айнура торопили, а её настойчиво выпроваживали с поля.

Вернувшись в Уфу, Люция Аминовна чувствовала себя иначе. Виденные ею горцы, военные, их рассказы и переживания вдохнули в неё новые силы. Её истории собирали вокруг женщин, каждая из которых искала утешения. Как и обещала солдатам, Люция написала их родителям, отправив письма в разные уголки республики.

Вечером, когда дела поутихли, женщины собрались вместе, поставили самовар. Пока вода закипала, Люция, по просьбе одной из матерей, начала искать фамилию её сына в списках. Ни среди пленных, ни среди погибших его не было. Подруга принесла свежий лист с обновленными данными. Люция пробежала глазами по строчкам, и вдруг её взгляд задержался на знакомой фамилии: «Шамсиев Айнур Русланович – погиб».

Сердце остановилось. Что это? Ошибка? Но буквы не менялись. Из груди вырвался крик, который разнесся по комнате.

Увидев, как Люция теряет сознание, женщина, подавшая список, почувствовала вину. Она тут же бросилась звонить в отделения других городов, чтобы уточнить информацию. Люция только что вернулась из Чечни – разве мог её сын погибнуть так внезапно? Но черная весть подтвердилась: «Шамсиев Айнур погиб в результате пулевого ранения».

Айнур умер на третий день после её отъезда, мучаясь от раны в больнице. Когда его тело доставили домой в гробу, у дверей Шамсиевых появился мулла, родственник отца семейства. Увидев Айнура, он замер. Снайпер попал точно в цель – в зелёную точку на левой стороне лица.

